

Анатолий Брискер

МОЗАИКА ЖИЗНИ

Факты и мысли,
дополняющие книгу «Из Советского Союза через Россию
в Соединённые Штаты»

2011

ББК 84Р7
Б87

Anatoly Brisker
400 18th Street, apt. B-1
Vero Beach, FL 32960
USA
Tel.: 1.(722) 778-5719
e-mail: asbrisker@yahoo.com

Брискер А.С.

Б87 Мозаика жизни. Факты и мысли, дополняющие книгу «Из Советского Союза через Россию в Соединённые Штаты». — СПб., издательство «Петербург — XXI век», 2011. — 68 с.

ББК 84Р7

ISBN 5-88485-197-9

© А.С. Брискер, 2011

Издательство «Петербург — XXI век»
198095, СПб., пл. Стачек, 4, ДК им. А.М. Горького.
Тел./факс: (812) 300-83-96.
E-mail: ioffe@yandex.ru

Подписано в печать ... 2011.
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная.
Гарнитура Bookman. Тираж 100 экз. Заказ № 309.

*В жизни не бывает мелочей —
все существенно.*

I.

Старейшими предками, кого я помню, были родители мамы: дедушка — Абрам-Симхэ (Абрам Иосифович) Милютин, погибший во время ленинградской блокады, и бабушка Роха (Рахиль Хацкелевна), умершая ещё до войны и не оставившая яркого следа в моей памяти. Переехав из Белоруссии в Петроград-Ленинград, они поселились в «еврейском» районе: в конце Вознесенского пр. (пр. Майорова) у Фонтанки, напротив Ново-Александровского рынка, на месте которого впоследствии было построено адми-

нистративное здание. Дедушка был приятный, немного медлительный (ходил он с палочкой, говорили, что из-за подагры), внешне достаточно интересный, седой (короткостриженный) старик. Его внешность несколько портила большая (2—3 см) круглая выпуклость — шишка (жировик) на лбу, удалять которую врачи не советовали из-за опасения дальнейших осложнений. Кстати, в качестве архивных сувениров сохранилось несколько его писем времен Великой Отечественной войны к моей маме, написанных плохим почерком, неважным русским языком и не отличающихся грамотностью.

С сожалением нужно констатировать, что вообще генеалогические данные о моих предках крайне скудны и не в последнюю очередь из-за гибели белорусских архивов во время революционных и военных катаклизмов XX века.

II.

Самой старинной вещью у меня является мамино золотое обручальное кольцо без пробы (по цвету — червонное золото), которое по легенде носила бабушка. Это кольцо достаточно таинственно. На внутренней стороне его неаккуратно выгравирована латинская надпись: I. P. 1857r. Wrzes. (текст с польского переводится, как И.П. 1857 г. Сентябрь — wrzesien). Как известно, на обручальных кольцах обычно гравировается дата бракосочетания. Рождение старших детей в семье бабушки и дедушки приходится на 90-е годы XIX века (мамы — 1899 г. и брата Иосифа — 1896 г.), т.е. разница около 40 лет. А учитывая, что в патриархально-провинциальных еврейских семьях рождение потомства происходило традиционно сразу, через год-два после свадьбы, дата на кольце не может отражать брак маминых родителей, разве что только предыдущего поколения — бабушкиных или дедушкиных родителей. При этом надпись по-польски вообще может указывать на вероятность случайного появления этого кольца в семье. Само же кольцо, будучи из очень мягкого материала, пару раз трескалось и мне приходилось его чинить у ювелиров, но ношу я его и сегодня.

III.

В начале прошлого века мой отец (Самуил Брискер) подарил своей сестре Дысе элегантную, серебряную сумочку на цепочке, которая хорошо видна на одной из семейных фотографий. Через много лет, когда уже ни папы, ни Дыси не было с нами, я увидел остатки этого подарка у моей двоюродной сестры — дочери Дыси,

в Москве. От сумочки остались только цепочка и пластины-створки (на передней была выгравирована паутина с пауком в виде инкрустированного синего камня и золотая монограмма «Самуиль»). Последний элемент меня заинтересовал, как основание для галстучной заколки. Сестра, понимая, что эта монограмма, как память об отце, естественно, дорога для меня, благородно отдала её мне (в дальнейшем я получил и саму створку). Через некоторое время уже дома в Ленинграде, частным порядком, по знакомству, ювелир в мастерской на Бронницкой, припаяв иглу, действительно превратил её в заколку. Несмотря на то, что она мне очень нравилась, к сожалению, использовал я её крайне редко, так как при закалывании она плохо держалась, и теперь является для меня дорогим, но только памятным сувениром. Видимо, каждая вещь имеет своё собственное предназначение и изменять это бесполезно.

IV.

Несмотря на сугубо еврейские корни, мое семейное воспитание никогда не было еврейским — я рос «советским» ребенком. Правда, о встречавшихся евреях родители загадочно говорили: «экснострис»; тогда мне казалось — это что-то, связанное с носом, на самом деле это латинское выражение «ex nostris» (из наших). Мой интерес к еврейству проявился значительно позднее и некоторые знания, связанные с ним, я приобрёл самостоятельно, будучи уже взрослым, а определённый еврейский национализм и некоторая бравада своей национальностью возникли у меня, как ответная реакция на окружающий антисемитизм. При этом необходимо заметить, что все мои друзья и приятели в подавляющем большинстве всегда были евреями, правда, абсолютно ассимилированными и не религиозными. Исключение составил мой школьный приятель — одноклассник Гольдберг, живущий сейчас в Австралии и ставший со временем правоверным иудеем. Правда, после смерти мужа двоюродной сестры Цили, я по его предсмертному желанию получил в подарок еврейский двухтомник (своеобразный месячник) — Элиягу Ки-Това «Книга нашего наследия» (книга малоинтересная и путанная, может быть за счёт перевода), и мезузу, которую я прибил на дверной косяк, но не уверен, что правильно.

V.

Мои родители в качестве домашних лекарств в основном обычно использовали компрессы, горчичники (иногда самодельные, как более эффективные) и йод, вернее, его спиртовой раствор.

Последний до сих пор является моим любимым дезинфицирующим препаратом. Из «чужеродных» медицинских средств со временем изредка стали применяться «банки» (стеклянные сосуды специальной формы, которые, предварительно прогрев изнутри открытым огнем, ставили на спину или грудь и поверхность тела втягивалась вовнутрь), но они, будучи эффективнее горчичников, считались, однако, менее «интеллигентными» и были более сложны в использовании. Интересно, что набор их я привёз в США, где они, правда, сейчас представляют просто исторический экспонат. В дальнейшем список медикаментов, конечно, расширился, со временем появлялись новые сильнодействующие лекарства, но «старые» всегда были наготове.

VI.

В детской памяти остался смутный образ дальнего родственника или даже просто знакомого нашей семьи — хорошо одетого, интересного, представительного мужчины. По-моему, он не имел семьи и занимался юриспруденцией или какой-то другой гуманитарной деятельностью. Самое запоминающееся было то, что он, приходя к нам в гости, за столом кашу (обычно пшенную или гречневую, последнюю я называл «чёрной») ел вилкой с ножом, что трактовалось окружающими, как верх интеллигентности, вернее, аристократизма.

VII.

В раннем детстве на белорусских и смоленских дачах, куда меня вывозили из Ленинграда на лето для укрепления моего, как считалось слабого, здоровья, я впервые увидел зеленые поля высокой растительности — конопли. Теперь это растение знаменито в основном в качестве натурального наркотического сырья для изготовления марихуаны и гашиша и его выращивание преследуется. А тогда никто и «слыхом не слыхал» о наркотиках, и коноплю выращивали для «мирных» технических целей. Семена использовали для производства конопляного масла и иногда в народной медицине, а стебель для получения прочного волокна (пеньки), применяемого при изготовлении грубой мешковины, тросов и веревок.

VIII.

Как известно, дети традиционно любят сладости. В годы моего детства этим пользовались предприимчивые люди-частники, которые изготавливали разноцветные, фигурные леденцы (обычно

петушки) на палочке. Откровенно говоря, я вкуса их не знаю, так как никогда не пробовал, а только с завистью смотрел на сосущих ребят. В нашей семье эти конфеты не признавали, считая их низменными — «неинтеллигентными», по многим причинам. Во-первых, продавались они на улице, что само по себе было неприемлемо, делали это какие-то сомнительные люди (часто цыгане) и, наконец, соответственно неизвестно было, в каких условиях и из каких продуктов (какого качества) они производились. Такое снобистское отношение к подобным уличным продажам осталось у меня на всю жизнь.

IX.

До войны у детей, до школы и в младших классах, большой популярностью пользовались так называемые переводные картинки. Их просто переводили на листы бумаги или украшали книжные и тетрадные обёртки, которыми в свою очередь заворачивались обложки книг и тетрадей для сохранности. Продавались они тематическими листами со сказочными или приключенческими сюжетами, из которых вырезалась отдельная картинка, размачивалась в воде, затем накладывалась изображением на нужное место. Потом мокрым пальцем, аккуратно и бережно стиралась бумажная основа, и в результате тонюсенькая картинка оставалась приклеенной к нужному месту. Последним же «писком» стали появившиеся в конце концов красочные выпуклые картинки, которые приклеивались, как почтовые марки, клеящей стороной.

X.

Не могу не отметить одну особенность моего детского поведения. Это была большая «любовь» к небольшим керосиновым магазинчикам-лавкам, расположенным обычно в подвальных или полуподвальных помещениях ленинградских домов. В них продавец из объёмных металлических чанов специальными мерными черпаками в разлив продавал это горючее. Достаточно странно, но в эти помещения меня привлекал запах керосина, который почему-то мне очень нравился. Этакая детская извращённость.

XI.

Из довоенной одежды почему-то очень запала в память такая специфическая деталь, как мужские галоши и дамские боты. Это была специальная верхняя обувь, которая надевалась на туфли от слякоти и холода. Галоши изготавливались из гладкой, блестящей

черной резины с байковой подкладкой, чаще всего красного цвета. Чтобы при снятии их не путать с чужими, иногда применялись металлические буквенные указатели, помещаемые внутри галоши, под каблуком туфель. Боты, или ботики делались обычно из плотного фетра, чаще всего, светлого цвета, имели полый каблук и были гораздо выше галош. Впоследствии, с появлением «уличной» обуви на утолщённой подошве, все это ушло в небытие. Эту обувь, чтобы не нести уличную грязь в комнаты, иногда снимали в прихожей, что в свою очередь приводило к послепраздничным курьёзам. Кто-то из гостей, уходя, надевал чужие ботинки, а хозяину их при этом могли достаться меньшего размера. Правда, в результате все устаканивалось.

Вообще одежда в какой-то мере иллюстрирует тот или иной период жизни страны. Так, после войны вместо довоенных трикотажных «футболок» со шнуровкой появились «бобочки» — мужские летние рубашки с коротким рукавом, на пуговицах, и «тенниски», такие же, но с молнией, а впоследствии «банлон», в быту «водолазка» — синтетический или хлопковый свитер со стоячим воротом. У брюк в свою очередь менялась ширина штанин от очень широких до очень узких. Женщины поимели колготки вместо чулок, а длина платьев и юбок варьировалась от макси до мини, кроме того, появились дамские брючные костюмы. Дети же разных возрастов со временем получили такие новшества, как ползунки и колготки; «чешки» (тапочки) для спортивных занятий и «валашки» — войлочную обувь для зимы.

ХII.

Отношение к различной живности (собакам, кошкам, птичкам и т.д.) в родительской семье всегда было достаточно сдержанным. Припоминается только кратковременное пребывание у нас в доме серого котенка по имени то ли Барсик, то ли Васька, с неизвестной дальнейшей судьбой, да приобретение для меня иногда на даче кролика, белого с красными глазами, которого я радостно таскал за длинные уши. В моей семье это несколько изменилось: была куплена собака — английский кокер-спаниэль Арчибалд. К сожалению, он оказался капризным и неуправляемым экземпляром, огрызался по любому поводу, и так и не привык к купанию и стрижке. Семья дочери Аллы пошла ещё дальше, не считая пойманных внуками ящериц, у них всегда был аквариум с рыбками, потом появился кролик, а затем она стала просить меня привезти из Петербурга щенка для детей (в России это значительно дешевле). Везти собаку из Питера я по многим причинам категорически отказался. Но однажды, увидев неда-

леко от нашего дома во Флориде маленькую, беленькую короткошерстную потерявшуюся собачку, забрал её. Поиски хозяев не дали результата и через несколько часов её увезла специальная полиция (animal police), так как живущим в нашем кондоминиуме держать собак не разрешается. Короче говоря, дочь через несколько дней, заплатив небольшую сумму (около \$ 40), получила этого породистого терьера, с радостью названного детьми — Лили. Собачка оказалась очень добродушной и стала самым приветливым «членом» Алиной семьи.

ХIII.

На мой взгляд, одной из существенных социально-политических ошибок Гитлера являются репрессии по отношению к евреям (обоснованные библией нацизма — «Mein Kampf») и, в частности, «окончательное решение еврейского вопроса» по превращению Европы в «юденфрай» (judenfrei — свободную от евреев). Именно это настроило мировое сообщество резко против Гитлера и в значительной мере сплотило антигитлеровское движение. История, как известно, не знает сослагательного наклонения, но в противном случае ещё не известно, как могли бы сложиться судьбы мира.

Говоря о Гитлере и нацизме, нельзя не вспомнить такого значительного представителя немецкого кинематографа, как Лени Рифеншталь, и её знаменитый фильм «Триумф воли». Сегодняшние обвинения Рифеншталь в ангажированности и пропаганде нацизма крайне сомнительны. Дело в том, что любое произведение искусства, кроме идеологической направленности, обладает и художественным качеством, которое безусловно является для него основным критерием ценности, а с этой точки зрения творчество Рифеншталь выше всякой критики. В противном случае, с тем же успехом можно абсурдно обвинить Сергея Эйзенштейна (трилогия «Стачка», «Броненосец «Потемкин», «Октябрь») и Михаила Ромма (диалогия «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918г.») в пособничестве большевизму. Вообще необходимо учитывать, что взаимоотношения художник — власть, особенно, если последняя тоталитарна, являются очень сложным и неоднозначным процессом.

Косвенно с Гитлером связан укоренившийся ошибочный исторический, сохранившийся до сих пор, терминологический цветовой стереотип «коричневый фашизм». Этот термин и его производные: «коричневая чума» и т.п., происходят якобы от цвета нацистской формы, которая на самом деле ничего не имела общего с коричневым цветом, а была бежевая — песочного цвета. Правда, сущность нацизма при этом не становится более «светлой», как говорят: «Чёрного кобеля не отмоешь добела».

XIV.

Во время войны в детской среде в качестве игрушки очень популярны были самодельные луки. Бралась крепкая, гибкая ветка, желательна дугообразная; по краям делались надрезы, которые использовались для крепления какого-нибудь шпагата или провода, причём, натяжение ими делалось так, чтобы ветка образовывала упругую дугу — вот лук и готов. Для стрел использовались прямые, тонкие, легкие прутики, часто тростинки. Для улучшения «полетных» качеств стрелы на нее обычно спереди насаживался какой-нибудь металлический наконечник и иногда на конце крепилось перо. Когда все это было готово, можно было начинать соревнования в основном на дальность полета стрел, так как цельность полета стрел была естественно плохая.

Несколько странным было увлечение ходулями — длинными прямыми деревянными палками, на которых на определённой высоте закреплялись упоры для ног. Хожение на ходулях и борьба-толкание на них было достаточно распространённым развлечением. Не очень понимаю, как на них удерживалось равновесие, думаю, что сейчас я бы этого сделать уже не смог.

Следует отметить, что многие из ребячьих забав отличались детской жестокостью. Это разорение птичьих гнезд и муравейников, наблюдение за полетом насекомых с засунутой в их тело соломинкой и обрывание крыльев у пойманных мух, ловля рыб на крючок, при снятии с которого у жертвы разрывался рот. До сих пор помню зверскую картину: лягушка, садистки распятая на пне. Все это оставило мрачный осадок на всю жизнь.

XV.

Возвращение нашей семьи в Ленинград (строго официальное наименование, если любовно и неформально, то Питер) из эвакуации (г. Пенза) — это целая эпопея. Особенно трудно это сложилось у отца. На обоснованную просьбу (февраль 1944 г.) вернуть его в ленинградскую организацию (контору Главснаба Министерства общего машиностроения, в то время уже миномётного вооружения), откуда он был откомандирован в начале войны, руководство министерства под формальным предлогом ответило отказом, и ему удалось лишь съездить в Ленинград в командировку (март 1945 г.). А главк в порядке издевательства (иначе сказать нельзя) предложил перевести отца в Челябинск. После этого ему ничего не оставалось, как перейти (сентябрь 1945 г.) в другую пензенскую организацию («Форморазведка») того же министерства, планирующую переезд в Ленинград, с ко-

торой мы все и вернулись домой, и в которой отец проработал потом почти 3 года.

При эвакуации осенью 1945 г. наши вещи ехали в багажном, служебном вагоне отцовской конторы «Форморазведка». Бóльшее место в нашем багаже занимали несколько мешков картошки собственного урожая с пензенского огорода. Я почему-то был очень горд, когда самостоятельно, один (папа ещё оставался в Пензе), забросив на спину эти мешки, подымал их по лестнице на 4-й этаж в нашу квартиру на пр. Майорова. Эта пензенская картошка стала хорошим подспорьем в нашем скудном послевоенном ленинградском рациионе. В качестве достижений технического прогресса при готовке еды в это время вместо примуса и керосинки появился керогаз, а затем такое усовершенствование для выпечки, как «чудо-печка» — разборная, тороидальная форма, изготовлявшаяся из алюминия или белой жести и позволявшая нагревать выпечку, особенно кольцевую, с разных сторон.

XVI.

Сразу после окончания войны общая разруха чувствовалась даже во внешнем виде школьников, и касалось это не только одежды. Так, вместо портфеля или теперешнего рюкзака для ношения тетрадей и учебников, я лично пользовался парусиновой, цвета «хаки» сумкой от противогоза, а появившаяся потом у меня кожаная коричневая офицерская сумка из военной портупей считалась вообще роскошью. С точки зрения жилья моих ленинградских одноклассников, большое впечатление на нас, кроме, естественно, однокомнатной квартиры Гарика Ачильдиева (правда, достаточно убогой по сегодняшним меркам), производила огромная комната семьи Лазаря Кролика во дворе знаменитого монферрановского «дома с львами» (пр. Майорова, 1) с высоченным потолком, позволившим даже создать спальные антресоли.

Несмотря на материальные трудности, необходимо отметить, что наш класс, будучи первым десятиклассным выпуском 241-й, ранее семилетней школы, отличался хорошим качеством учащихся и явным превосходством над последующими классами. Это его «первородство» было отмечено высоким уровнем оканчивающих школу — ситуация в какой-то мере подобная неординарному, пушкинскому, также первому, выпуску Царскосельского лицея. При этом интересно подчеркнуть, что несколько учеников нашего класса (Ачильдиев, Гольдберг), включая меня, впоследствии с различной степенью успешности занялись «писательством» вне сферы своей профессиональной деятельности.

В школе, куда я поступил, вернувшись после войны в Ленинград, был организован драмкружок, куда я не преминул записаться. Роли героев-любовников при моей внешности — худой, узкокостный, длинный подросток, были для меня недостижимы, так что мне отводилось амплуа резонера. Это были роли отца в пьесе, по-моему, Коппе, «Кремонский скрипач», и Арганта в «Проделках Скапена» Мольера (сохранились переписанные от руки тексты ролей). Для меня до сих пор загадка: почему руководитель драмкружка заинтересовался этими старомодными и неинтересными пьесами. Никаких выступлений я не могу припомнить, видимо, все ограничилось репетициями, которые были привлекательны коллективным общением, особенно, учитывая раздельное школьное обучение, с «актрисами». Правда, уже на этом этапе полностью обнаружилась моя несостоятельность, как актёра, даже на фоне остальных малоталанливых участников самодеятельности, так что школьный драмкружок так и не принес мне актёрской славы.

В конце 40-х годов среди первокурсников Ленинградского электротехнического института связи (ЛЭИС), куда я поступил после окончания школы, в основном достаточно невзрачных, обращали на себя внимание несколько демобилизованных ребят, прошедших войну. В этой группе выделялся невыразительный, небольшого роста блондин. Единственно, что бросалось в глаза, это иностранная награда в виде креста, которую он носил ежедневно. Как потом выяснилось, это был какой-то польский орден или медаль, которую он получил, будучи в Народном Войске Польском. Что для нас тогда было полной неожиданностью, так это то, что, по его словам, в этом Войске было очень много не поляков, в том числе он сам.

Другую выразительную группу составляли несколько студентов-югославы. Это потом иностранных студентов в советских учебных заведениях станет много и разных, а в то время это было достаточно редкое явление. Именно поэтому на фоне серой студенческой массы ярким пятном выделялись эти высокие, стройные брюнеты в полувоенной форме, по-моему, черногорцы. Правда, длилось это недолго, через какое-то время отношения Советского Союза с Югославией испортились и они пропали, видимо, были отозваны на родину.

Отец всю жизнь был интересным мужчиной и даже в старости не потерял свою импозантность (чему способствовало его пенсне), хотя и одевался по-советски, очень скромно. Я же, к сожалению, унаследовал от него только общий облик, что подтвердилось своеобразным эпизодом. Когда в Москве умер папин брат Яков, я приехал из Ленинграда с тётёй Соней, его сестрой, на похороны. Позднее присутствующие, знавшие отца и никогда не видевшие меня, рассказали, что сразу определили во мне сына Самуила, как только я вошел в зал крематория. Интересно, что моя внешняя схожесть с отцом просматривается в походке и даже в том, как я стригу ногти на пальцах рук, ладони которых, в свою очередь, очень похожи на его.

По складу характера, мне кажется, папа не был борцом, живя постоянно под угрозой государственных репрессий, по-моему, он всего боялся — политических взглядов молодости, наличия зарубежных родственников и т.п. Эта всеобъемлющая боязнь проявилась в не очень понятном и мрачном эпизоде. Когда началась война, он разбил молотком портрет царя и царский герб (кстати, возрожденный «демократической» Россией) на сохранившихся с дореволюционных времён двух золотых пятирублёвках, видимо, для демонстрации лояльности Советской власти, если их кто-то увидит.

Когда папа умер и был похоронен на Преображенском (Еврейском) кладбище, мы с мамой поставили скромную черную железную могильную ограду. При её установке мешал небольшой росток дерева, как потом оказалось, тополя, который я лихо выдернул, но вместо того, чтобы выбросить, воткнул его вне могилы рядом с оградой. За плохое знание ботаники со временем я был жестоко «наказан». Через несколько десятилетий из этого жалкого, невзрачного «огрызка» вырос огромный тополь, ломающий ограду и представляющий серьезную опасность разрушения могилы и памятника. Мои попытки заставить администрацию кладбища ликвидировать его пока не дали результата. Видимо, он так и простоят, пока что-нибудь не случится.

В начале 50-х годов, уже после смерти папы, мы с мамой были в гостях у наших пензенских друзей — Самусенко, работавших

в это время уже в Германии. Присутствовал Хахам, наш общий знакомый по эвакуационной жизни в Пензе. Еду не помню, а вот алкоголь запомнил навсегда, видимо, по результатам, это был немецкий, как объявили, коньяк, на бутылке которого было написанное готическим шрифтом название — «Uran». Хозяева посчитали необходимым подарить гостям небольшие сувениры — модные тогда пробки для бутылок алкоголя с отверстием, через которое можно было разливать напиток. Мне досталась фаянсовая головка тирольца в шляпе, а Хахаму — тиролька в платке. Хахам предложил мне обмен, на который я вначале согласился. Но, уже уходя, в коридоре, несмотря на то, что, мягко говоря, был не очень трезв, понял, что сделал ошибку, и, вернувшись к столу, восстановил «статус кво». Это было не очень красиво, но я все равно был доволен, что добился своего.

На память о дружбе с семьёй Самусенко остался подаренный ими немецкий гобеленчик, на котором изображена наивная картинка из сельской жизни: женщина с волами около стога сена, три лошади в упряжке и группа веселящихся парней с гармошкой, перед которыми разбегаются гуси; вдали кирха и домики, с проезжающей перед ними каретой. Этот коврик долго висел над кроватью Аллы (дочки) и «переехал» с нами в Америку. В США Алла от него отказалась; к большому сожалению, нужно констатировать, что она вообще совершенно равнодушна к прошлому и к семейным реликвиям в частности. Так, она не взяла себе подаренный ей в детстве серебряный набор (столовая и чайная ложки, вилка, нож), не идущий ни в какое сравнение с примитивными американскими столовыми приборами её дома. А подаренные её дочке (Дженнифер), нашей внучке, девичьи золотые серёжки моей мамы так и остаются неиспользованными.

XXII.

В своё время в Ленинграде, практически в каждом районе, для организации досуга населения, были построены Дворцы или Дома культуры с помещениями для различных кружков самодеятельности, театральными и кинозалами и т.п. В какой-то момент стали пользоваться большой популярностью танцы, которые организовывались в них, особенно во Дворце культуры им. С.М. Кирова, на Васильевском острове. Однажды и я попробовал побывать там. Заплатив какую-то сумму, я попал в танцевальный зал, но так как публика была отнюдь не высокого пошиба, а я, будучи плохим танцором, не большим любителем танцев, то на этом моё знакомство с публичными танцевальными местами (не считая танцплощадок в домах отдыха и на турбазах) завершилось.

XXIII.

До сих пор, спустя более полувека, не затихают споры по поводу оценки И.В. Сталина. Мне кажется, что, давая односторонние оценки, не правы как его сторонники, так и его противники, как говорится в старом анекдоте, «и ты сын тоже прав». В принципе, я сторонник релятивизма — в жизни всё относительно. Сталин безусловно преступник, на его совести миллионы невинных жертв: партийные и государственные деятели — конкуренты, зачастую мнимые; близко знавшие его люди, естественно не разделявшие взгляды о его «божественной» сущности; и, наконец, огромное количество людей, просто попавших под террористический каток доноительства и репрессий, насаждаемых им. Все они прошли через нечеловеческие истязания в застенках сталинской охраны.

Среди преступлений Сталина иногда выделяют депортацию репрессированных народов. При этом выселение немцев и финнов из зоны вероятных боевых действий, как возможных пособников противника, ещё как-то можно объяснить — подобное с разной степенью преступности предпринимали Россия (евреев) и Турция (армян) в Первой мировой войне, США (японцев) — во Второй. Однако достаточно необоснованно выглядит депортация в конце войны крымских татар, калмыков, чеченцев и других кавказских народов, обвинённых в коллаборационизме. Дело в том, что нельзя вводить коллективную ответственность всего народа за преступные действия руководителей и отдельных представителей, пусть и очень многочисленных. К тому же в таком преступлении не в меньшей, а может быть и в большей степени, можно обвинить русский и украинский народы. Но, очевидно, проще отыграться на «малых братьях»...

При всем при этом необходимо подчеркнуть, что никто ещё не отменял возможность наличия таланта организатора даже у преступника. Известная фраза: «Получил Россию (работающую. — А.Б.) с сохой (деревянными плугами. — А.Б.), а оставил (оснащённую. — А.Б.) с атомной бомбой (атомными реакторами. — А.Б.)», вне зависимости от её авторства, ярко иллюстрирует результаты исторически короткой — четвертьвековой государственной деятельности Сталина, правда, при этом не умаляется преступность его методов, приведших к огромным жертвам, усугублённых его негативной личностью. Что касается победной Великой Отечественной войны, то заслуга Сталина в ней, как организатора, при наличии, конечно, ошибок и иногда катастрофических, очевидна. У. Черчилль, несмотря на свой яркий антикоммунизм, признавал в палате общин (08. 09.1942), что «...Большая удача для России, что в тяжелейшем положении (агону) её возглавил жесткий военный лидер. Он

(Сталин. — А.Б.) *выдающаяся личность... человек неиссякаемого мужества и силы воли...*» (перевод А.Б.). Даже делая скидку на время высказывания (становление антигитлеровской коалиции), оно производит впечатление. Что касается «возвышенных» теорий о победе в войне советского (русского) Народа не благодаря, а вопреки действиям руководства, то они не убеждают — то-то этот народ в начале войны сдавался в плен тысячами. Говоря о Сталине, нельзя не заметить, что народу всегда импонировала его личная аскетическая скромность (вообще характерная для революционных лидеров) в одежде, обстановке и т.п. (правда неизвестно, искренняя или наигранная), которая, кстати, резко диссонирует с византийской роскошью современных руководителей.

Вообще значимость роли личности в историческом процессе очевидна, даже если она крайне жестокая. В истории много персонажей, совершавших злодеяния против своего народа: это Нерон и Чингизхан, Иван Грозный и Петр I, Кромвель и Робеспьер, Мао Цзедун и Пол Пот — у них были различные цели и задачи, но все они по сути деспоты, что само по себе приводит к преступлениям. Не знаю, насколько меньше погибло народа при строительстве новой столицы — Петербурга, чем при строительстве «гугаговского» Беломоро-Балтийского канала, а количество погибших при возведении знаменитых египетских пирамид сегодня интересуется разве что узких специалистов. Так что похоже, что время списывает всё, даже человеческие жертвы. В принципе, я думаю, исторические личности надо рассматривать с учётом конкретных условий соответствующего времени и места. Нельзя судить кроманьонцев по законам Шумера, шумеров по законам античного мира, а представителей Римской империи по законам современного XXI века.

XXIV.

При оценке участия в преступлениях большевистского и нацистского режимов тех или иных государственных структур и их представителей (например, МИДа гитлеровской Германии или сталинского Наркоминдела) возникает определённая трудность. Если для руководителей высшего ранга всё достаточно ясно — их виновность, как непосредственных участников преступных решений, не подлежит сомнению, то для рядовых сотрудников зачастую бывает крайне сложно определить, где кончается рутинное выполнение должностных обязанностей и начинается инициативно-преступная деятельность. В то же время это различие безусловно требует разной классификации и соответственно различного наказания.

К слову сказать, Нюрнбергский процесс над руководителями гитлеровской Германии вызывает определённые сомнения, даже у меня — безусловного противника нацизма, полностью признающего его преступную сущность. Это касается как правомочности самого суда, так и его решений. В первую очередь, было нарушено основополагающее положение юриспруденции: о недопустимости, для соблюдения объективности, потерпевших (в данном случае Союзных держав) в качестве судебной инстанции — судья должен быть нейтрален. Во-вторых, наличие закулисной договорённости — вывести за рамки процесса целый ряд неблагоприятных, а зачастую преступных, действий союзников (аннексию Прибалтики, Катынский расстрел и т.п.), снижает качество судебных решений. И, наконец, «А судьи кто?» — вопрос, ставящий под сомнение моральное право отдельных представителей обвинения вообще судить. Особенно это относится к делегации СССР, в комиссию по руководству которой входили приспешники «палача» Л. Берия, а возглавляла её такой «правдолюбец», как А. Вышинский. Несмотря на всё это, процесс сыграл сугубо положительную роль в деле вынесения приговора нацизму и создания в международном праве прецедента по осуждению и наказанию преступлений против мира и человечности, который, к сожалению, не всегда использовался в дальнейшем.

XXV.

Как я уже писал в моих воспоминаниях, мой дипломный проект был связан с репарационной немецкой АТС (автоматическая телефонная станция), фирмы Сименс. Вообще после окончания войны Советский Союз через Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ) в счёт репараций вывез из Германии огромное количество материальных ценностей, сыгравших неоценимую роль в послевоенном восстановлении народного хозяйства (М.И. Семиряга «Как мы управляли Германией». М., 1995 г.). При этом были демонтированы и отправлены в СССР целые заводы и электростанции, АТС и обсерватории. Страна получила вагоны метро и корабли, сельхозпродукцию и ширпотреб, книги и музейные экспонаты. Нужда в научно-технических кадрах компенсировалась созданием специальных техбюро, экспериментальных цехов и лабораторий. Кроме того, около 200 тысяч (правда сама цифра вызывает некоторое сомнение) немецких специалистов были вместе с семьями вывезены в СССР. Первой была группа ученых-ядерщиков, за ней последовали ракетчики, химики, оружейники. Есть мнение, что даже знаменитый автомат Калашникова разработан не без участия Х. Шмайссера. Вот такую эконо-

мическую цену заплатила Германия только Советскому Союзу за своё поражение.

Что касается научно-технического прогресса вообще, то с точки зрения пользы для человечества он не однозначен и противоречив. Известно, что обычно он предполагает благие цели, но в реальности зачастую проявляются противоположные результаты. Достаточно вспомнить такие достижения цивилизации, как порох, динамит, ядерная реакция. Правда, винить в этом надо пользователей, а не создателей, — учёные-атомщики не несут ответственность за бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Да и её результаты с разных точек зрения оцениваются по-разному: для японцев — это военное преступление, из-за которого погибли сотни тысяч мирных жителей, для американцев это способ скорейшего окончания войны, спасший многие тысячи жизней. Так что всё в жизни не абсолютно...

XXVI.

Когда умерла сестра папы, тетя Соня (официально — Сорере Мерс Танхумовна Гольдфельд), я приехал в общежитие, где она жила, чтобы освободить комнату от её вещей. Вещей практически не было, но я знал, что на столе осталось лежать её золотое, как она говорила, обручальное кольцо. Обручальным его называть можно было только условно, скорее это был перстень с тремя камнями, которые, правда, к этому времени были уже потеряны. По легенде это кольцо было сделано из найденного моим папой золотого крестика. Так или иначе, но оно было связано с отцом и поэтому было мне дорого, а, не имея завещания и не будучи прямым наследником, я боялся его потерять. Поэтому я задумал при передаче ключей коменданту общежития незаметно смахнуть его в карман, что успешно и совершил. Не знаю, может быть, это была перестраховка: его бы отдали и так, но, как говорится, «бережёного бог бережёт». Через много лет в подобную ситуацию, правда, при многократно увеличенной стоимости, попал мой приятель, который, в конце концов, вынужден был все ценности отдать государству.

XXVII.

Моя любовь к алкоголю всегда вызывала определённое недовольство родных и близких и соответственные трения с ними. Так, мой двоюродный брат Май Брискер часто во время родственных застолий осуждающе называл меня «шикер» (пьяница на идиш), но я не обращал на это внимание и продолжал потреблять

спиртное в том количестве, какое считал целесообразным. Эти агрессивные выступления Мая определялись его характером — самовлюбленного эгоцентриста, скрупулезно оберегающего своё здоровье.

Своеобразно сдержанное отношение к алкоголю характерно и для другого двоюродного брата — Евгения Милютин. Когда на одном из торжеств в его доме я высказал негативное удивление «жалкой» четвертинкой водки на столе, он ответил, что дополнить можно у меня дома (жили мы недалеко друг от друга). Мне пришлось объяснить ему, что, если он выпьет даже часть моего алкогольного запаса, то к нему придётся вызывать «Скорую помощь». Недаром говорят, что враг может стать другом, но глупый человек умным — никогда. Вообще в своём поведении он зачастую напоминал самодовольного и напыщенного индюка. Только на время его семейного конфликта это несколько сгладилось, и я на правах старшего старался оказать ему моральную поддержку.

Вообще-то необходимо заметить, что потребление алкоголя в то время в стране было обычно неременным условием установления и поддержки деловых знакомств. Так, уйдя как-то в соседний магазин за продуктами перед приходом гостей, я вынужден был задержаться надолго, участвуя в распитии алкоголя в подсобном помещении с работниками этого магазина.

XXVIII.

В своей жизни я, естественно, несколько раз встречался с хирургией. Эти встречи развивались по-разному; это были достаточно серьёзные операции и не очень. Так, после операции по ликвидации фимоза я плохо передвигал ногами из-за общего состояния, да и забинтованный член тоже не помогал. Также не лихо я возвращался домой после операции (удаление омертвевших тканей) на среднем пальце правой руки. Другой раз, когда я пришел к хирургу — крупному, сильному мужчине, консультироваться по поводу воспаления, как потом выяснилось, волосяной сумки на скуле, он посмотрел и неожиданно для меня потребовал скальпель. После рассечения нарыва он засунул в ранку кусочек резины, чтобы разрез не зажил, пока не ликвидируется нагноение. На мой вопрос: «Что это за резинка», последовал ответ: «Кусок хирургической перчатки», на что я смог только съязвить: «Хорошо ещё, что не галоши». Ещё в Ленинграде от полученной от ушиба контрактуры левого локтя избавила меня домашними средствами одна знакомая медичка (правда, осталась костная мозоль). Уже в США на операционном столе в госпитале при замене после долгих болей тазобедренного сустава (опять же левого, видимо,

моя левая «сторона» вообще невезучая — ведь левый глаз хуже видит, а левое ухо хуже слышит) меня больше всего взволновала анестезия уколom в спинной мозг, информация же о том, что подобное проводится повсеместно всем роженицам, меня слабо утешила. Я очень боялся паралича нижней части тела и успокоился только после того, как после операции смог подвигать пальцами ног. Хочу отметить, что послеоперационная реабилитация прошла довольно быстро (костылями не пользовался и с палочкой практически не ходил), правда, с помощью приходящей домой медсестры, которая при этом меня хвалила за активность.

Кроме того, было несколько «ранений», прошедших без вмешательства медперсонала. В частности, в раннем детстве при катании на трехколёсном велосипеде мне при падении колёсной шпилькой глубоко процарапало левое колено. Как ни странно, было много крови, и шрам остался навсегда. А в эвакуации в Пензе, в пионерлагере, бегая босиком, я наколол подошву ноги. Когда это место стало нарывать, я с большим трудом надел ботинок и еле добрался до дома. Все домашние попытки ликвидировать воспаление не дали результата и только в бане, раздвинув ранку на распаренной ноге, я увидел и вытащил растительный шип. После этого всё быстро зажило. Также без вмешательства хирургии зажил нос, сломанный мной, как ни странно, при «игре» в теннис с внуком Энтони (я споткнулся, упал и врезался в сетку ограждения корта).

XXIX.

В один из моих первых приездов в Куйбышев (ныне Самара), а бывал я там много раз, и как студент (на практике) и как инженер (в командировках), я побывал на скачках. Ипподромы тогда в Советском Союзе были в редкость, и я с радостью решил использовать своё пребывание в городе для знакомства с этим своеобразным спортивным мероприятием. Это посещение не произвело на меня желаемого впечатления: само сооружение было достаточно невзрачным, да и лошади не выглядели должным образом. Я сделал пару невразумительных ставок в тотализаторе (по-моему, в одном заезде на первое место, в другом — на дубль) и, конечно, проиграл. В общем, всё это меня не увлекло и это оказалось моим первым и последним контактом с конным спортом.

XXX.

Мой интерес к кинематографу привел меня на Ленфильм, где, кроме всего прочего, произошла моя первая «встреча» с амери-

канским автомобилестроением (до этого я только слышал о знаменитых «виллисах» и «студебеккерах»). Это был шикарный, голубой бьюик-кабриолет, который, каким-то образом, после войны привез себе из-за границы кинооператор А.С. Ксенофонтов. Помнится сцена, когда толпа любопытных с интересом, окружив на Невском проспекте это авто, припаркованное у Елисеевского магазина, восторженно рассматривала и обсуждала его. Через много лет уже в США из-за временного и территориального «прогресса» меня, естественно, перестали удивлять достижения западных автопроизводителей.

Эта же тяга к «десятой музе» проявилась в выборе текста для сдачи домашнего чтения по английскому языку на первых курсах института. Таким материалом послужила найденная мной американская книжка о становлении Голливуда. Так что и здесь я постарался остаться в интересующей меня сфере кино.

XXXI.

Дядя Шура (брат мамы, служивший замполитом на одном из факультетов Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова) и тетя Люба Милютины пару раз лето проводили на Карельском перешейке, в Зеленогорске (старое название Териоки) на казенной даче, куда иногда приезжал и я. Интересно, что на соседнем участке жил В. Набутов — спортсмен и спортивный комментатор — с сыном Кириллом, тогда мальчишкой, а теперь достаточно известным телевизионным деятелем. Кратковременность моего пребывания в этих местах не привела к каким-либо существенным контактам с этой приятной соседской семьёй.

XXXII.

Недавно прочел рассказ М. Веллера о таллинском юристе Симоне Левине и это напомнило мне, что, в бытность моей годичной жизни в Таллине, я в нашей местной компании встречался с ним. Правда, нужно отметить, что он не входил в основной костяк компании, так что большого общения с ним не было и существенно близкими знакомыми мы так и не стали. Я помню только еврея небольшого роста в темном костюме.

Не менее любопытным было таллинское знакомство в скромном здании Минсвязи Эстонской ССР на ул. Крейцвальди с В. Назаровым — как и многие другие связисты Эстонии, выпускником ЛЭИСа. Он был большим и приветливым блондином, чего нельзя сказать о зам. министра, а потом министре А. Калдма, у которого мы обычно утверждали рабочие документы. Назаров возглавлял,

по-моему, отдел местных телефонных сетей и в дальнейшем стал достаточно крупным, сначала петербургским, а потом и федеральным чиновником.

XXXIII.

В молодости, во времена моего «курения», в какой-то момент мне захотелось курить трубку, как мне казалось тогда, хорошо гармонирующую с моим обликом. Вначале я искал интересующую меня трубку с экзотической чашкой в виде головы Мефистофеля, но в конце концов остановился на скромной, прямой курительной трубке английского образца. Хочу заметить, что это увлечение длилось сравнительно недолго, так как было связано с дополнительными трудностями (необходимость табака и т.д.), и я быстро вернулся к традиционным, простым в использовании, сигаретам.

XXXIV.

Своеобразным моментом истории ООН является поведение Н.С. Хрущева на заседании Генеральной Ассамблеи (1960 г.). По некоторым источникам, он в знак протеста против выступления филиппинского делегата стучал ботинком по пюпитру кресла. К сожалению, документальных свидетельств этому не сохранилось и многие утверждают, что этого не было, хотя все сходится в том, что снятый ботинок был. Однако сын Хрущева заявил, что Никита Сергеевич не стучал ботинком, а только постукивал, чтобы привлечь внимание председательствующего (правда, довольно странный способ). В общем — полная неразбериха. Мне кажется, что прекрасным итогом этой дискуссии является высказывание У. Черчилля о том, что стучать ботинком — ничего страшного: обструкция, как обструкция; а вот желтые ботинки к синему костюму (что известно. — А.Б.) — это ужасно.

XXXV.

Во время своей работы в ленинградском НИИ связи мне довелось встречаться с очень интересным человеком — московским связистом Марком Урьевичем Поляком. Это был высокий, худой брюнет восточного типа, всегда оптимистично настроенный, несмотря на встречавшиеся на его жизненном пути проблемы и трудности, в частности семейные, — его дочь была инвалидом. Помню, как он приехал в Целиноград (ныне Астана) возглавить министерскую комиссию, в которую довелось входить

и мне. Задачи были не понятны, да и город был крайне неприглядным и неприветливым, так что все находились в мрачном настроении. Марк Урьевич быстро организовал коллективную туристскую вылазку на берег реки, что сразу сняло напряжение. В другой раз, во время командировки в Литву, для поднятия настроения он в ресторане Вильнюса сел за оркестровый рояль, а в купе поезда стал исполнять оперные арии. При всём при этом он был высококвалифицированным специалистом, занимавшим соответствующее положение в иерархии Минсвязи СССР, и я могу только сожалеть о редкости и кратковременности наших встреч.

XXXVI.

Из моих недолговременных любовных историй хочу выделить встречи с Надей Вихровой — небольшого роста, стройной, приятной блондинкой, которая работала медсестрой в клинике нервных болезней (д. 4-6, 15 линии В.О. Ленинграда). Познакомил меня с ней мой приятель Модест, когда был пациентом этой больницы. Большой проблемой было отсутствие нормального места для встреч. Так, если не считать теплых и тесных прощаний на лестнице, «любовь» проходила в зале, видимо спортивном, на её работе, а в качестве мебели использовались спортивные маты. Приходил я обычно вечером, во время Надиного дежурства, и единственным препятствием были вахтерши на проходной. Второй интересной знакомой была Равиля, высокая, смуглая татарка, которая, кроме секса, внесла в мою жизнь и культурный элемент — именно с ней я посетил ленинградскую мечеть, которая оказалась внутри гораздо менее привлекательной, чем снаружи. Помню её в темной шубе из искусственного меха (результат её связи с торговым миром), которую мы иногда использовали для создания «ложа любви». Все эти контакты имели временный характер, не в последнюю очередь, из-за убожества антуража, да и моя неготовность к заключению брака не укрепляла их. Мне кажется, что женщины перманентно стремятся к бракосочетанию, правда, некоторые считают, что в настоящее время это не так. Может быть....

XXXVII.

При переезде в кооперативную квартиру на пр. Космонавтов сразу возникла традиционная для Советского Союза и, в частности, для Ленинграда проблема с установкой квартирного телефона. Правда, как связист, я имел определённое предпочтение,

к сожалению, не такое существенное, как железнодорожники, обладавшие бесплатным железнодорожным проездом, хотя, по моему, только раз в году.

Сразу после переезда я начал свои хлопоты, но начальник Ленинградской городской телефонной сети (ЛГТС) В. Малинников, апеллируя ко мне, как специалисту, и ссылаясь на отсутствие проложенного к дому кабеля, отложил решение до завершения строительства необходимой телефонной линии. Когда это строительство было завершено, я вновь обратился к руководству ЛГТС и получил резолюцию об установке телефона вне очереди. К сожалению, это не было выполнено, и моя встреча с начальником Московского телефонного узла Вепренцевым не дала результата, хотя телефоны в доме уже начали устанавливаться. Тогда я пошёл на прием к Малинникову и, заявив, что районный узел не выполняет его указания, настойчиво попросил, чтобы он чётко написал на заявлении, когда будет установлен телефон — через неделю, через месяц, через год, а я уж с помощью Министерства связи разберусь со всем этим. Поняв, что ситуация приобретает скандальный характер, он написал на заявлении, видимо, нужным цветом (говорили, что в зависимости от цвета резолюции она выполнялась или нет): «Установить в недельный срок. О выполнении доложить». Через пару дней телефон уже работал. Впоследствии, уже на Белоусова, когда я при переключении телефонов микрорайона на новую АТС захотел сохранить старый номер моего квартирного телефона, пришлось вновь использовать мои связистские знакомства на ЛГТС. При этом следует отметить, что, побеждая жизненные неурядицы, я всегда испытывал двойное удовлетворение: как от достигнутого результата, так и от ощущения самой победы.

Кроме личных контактов с Управлением городской телефонной сети, существовали и служебные, в процессе которых при совместных работах ЛОНИИСа, где я «инженерил», довелось встречаться с будущим министром связи Л. Рейманом, бывшим тогда уже заместителем генерального директора ЛГТС.

XXXVIII.

Вернувшись с работы за границей (переводчицей на строительстве стадиона в Гвинее), Зина (будущая жена) привезла не только экзотическую обезьянку и некоторые сувениры (деревянные фигурки, примитивные картинки, оригинальные золотые украшения местного изготовления и яркие ткани с национальным узором), но и некоторое количество денежных средств. Обезьянка вскорости умерла, как сказали знакомые, которым её отдала Зина на время своего отъезда в санаторий, а валюта была потрачена на

улучшение материального положения. Так, по безналичному расчету, через «Внешторгбанк» ею были приобретены кооперативная квартира, автомашина, путёвки в санаторий, мебельный гарнитур и т.д. Кроме того, сертификаты «Внешпосылторга» предоставляли возможность «отовариваться» в специализированных магазинах. Впоследствии такие же сертификаты я получал за статьи в связистских журналах, переводимых за рубежом (иногда для разборок с гонораром приходилось заходить в Москве в ВААП — Всесоюзное агентство авторских прав, через которое проходила оплата). Правда, из-за мизерности этих вознаграждений, я даже не помню, как были реализованы эти сертификаты.

XXXIX.

Отдыхая в Сочи, я через Зину, работавшую в ленинградском отделении «Интуриста», пользовался закрытым пляжем гостиницы, принадлежавшей этой организации. Среди завсегдатаев этого пляжа была пара ребят, которые, зная английский язык, изображали кагэбэшных разведчиков, создавая вокруг себя ауру таинственности. Было очень смешно, когда через какое-то время я встретил их в одном из ленинградских НИИ в качестве прозаичных работников отдела научно-технической информации. Эта встреча повергла их в шок, они обескураженно сникли, потеряв «ореол» спецслужб.

XL.

Как ни странно, но в моей женитьбе, мне кажется, определённую, форсирующую роль сыграла мамина приятельница из Баку — Сара Копелевна Вал, очень доброжелательная и милая, пожилая женщина. Она была сторонницей скорейшего официального оформления моих близких отношений с Зиной. Несмотря на огромную разницу в возрасте, наши многолетние контакты с ней, как в Баку, так и в Ленинграде, оставили яркий след в моей жизни. Кроме всего прочего, из любопытных моментов вспоминается, что именно она познакомила нас с таким экзотическим фруктом, как фейхоа — зелёного цвета, небольшой, величиной со сливу-венгерку, по вкусу, как впоследствии выяснилось, напоминающей киви.

XLI.

При обмене наших (моей и жены) кооперативных квартир в Московском районе Ленинграда мы получили квартиру в Киров-

ском районе, из-за жуткого состояния которой требовались значительные ремонтные работы. Было сделано очень многое, но мне запомнились перестановка электросчётчика, установка мойки и переделка отопления.

Для счётчика я сам, вооружившись шлямбуром и надев защитные очки, несколько дней вырубал нишу в коридорной стене, оказавшейся, к сожалению, несущей, кирпичной. Потом я эту нишу покрасил, перенес электропроводку и установил дверцу, но это всё было уже сравнительно легко.

Непрезентабельную кухонную раковину было решено заменить на двухсекционную мойку. С трудом приобретаю, доставив домой (на санках из ближайшего хозмагазина) и установив её на кухне, я понял, что это эмалированное «чудовище» не есть хорошо, но дело было уже сделано и свои функции она выполняла исправно.

С приходом очередных холодов выяснилось, что в большой комнате одной батареи отопления под окном при наличии ещё балконной двери недостаточно, и было решено поставить дополнительную батарейную секцию на стенке, выходящей на лестничную клетку. Для её подключения было необходимо врезаться в лестничный стояк отопительной системы. Слесарь-сантехник, или по-простому водопроводчик, нашего домоуправления Юра взялся это сделать — пробил стену и разрезал стояк. После чего прервал работу, так как теща, следуя моим указаниям, отказалась дать ему аванс на водку. Дело в том, что Юра был хороший мастер, но, как многие «специалисты» этого профиля в стране — алкоголик. Тёща страшно расстроилась: «теперь он не придет», но я её успокоил — «стояк-то распилен», И действительно, вскорости, когда пришло время проверять к зиме отопительную систему, встретив меня, он спросил: «Так что, будем делать, хозяин?». Ответ был краток «Ты же ушёл, приходи и кончай»; он вернулся, и всё было завершено.

С трубами, но уже фановыми, связан другой случай. В какой-то момент стала плохо уходить вода из ванной. Все попытки ликвидировать засор и исправить положение внешними воздействиями не увенчались успехом. В результате пришлось вскрывать бетонированный пол в туалете, снимать крышку фанового сифона и очищать его от всевозможных, не понятно, как попавших туда, инородных предметов (тряпок, шариков и т.п.) ещё прежних хозяев.

К начальным ремонтным работам примыкает укладка паркета на кухне и ликвидация регулярных проблемы с канализацией. Во время моей командировки в Прагу из-за разрыва отопительной батареи у верхних соседей здорово затопило горячей водой одну из наших комнат. По возвращению я добился активирования ущер-

ба и домоуправление в какой-то мере компенсировало его, а при частичном капитальном ремонте дома выделило паркет для замены в пострадавшей комнате. Однако полученный щитовой березовый паркет был намного хуже существующего — дубового, и мне удалось положить его не в комнате, а на кухне, где его вообще раньше не было. Кроме всего прочего, изношенная канализационная система регулярно создавала неприятные ситуации (протечки), с которыми приходилось постоянно бороться с переменным успехом. И даже ремонт дома, будучи не полным, фактически не дал принципиального результата.

XLII.

Наши дети (Алла и Максим) с раннего детства ходили в дошкольные учреждения: ясли и детский сад, так сложилась ситуация, да и я был не против, считая, что это не так уж вредно. В то время таких заведений было сравнительно много, правда, трудно было попасть в те, что были близко от дома и в то же время хорошего качества (помещение, облуживание и т.д.). Обычно лучшими были ведомственные учреждения, имеющие дотации от предприятий и хорошие места летнего отдыха. Родители, кроме помесячной платы, в частности, принимали участие в субботниках по подготовке к открытию и закрытию детсадовской дачи и уборке прилегающей территории. Как-то раз сын забеспокоился, чем я буду открывать за городом банку консервов, взятую на такое мероприятие в качестве закуски. Я его успокоил, сказав: «Было бы что открывать, а чем — всегда найдется». В течение дачного периода для увеличения количества ягод и фруктов в детсадовском меню родители регулярно, по очереди, привозили их, закупив обычно на рынке на всю группу. Это к тому же давало возможность дополнительно, кроме родительского дня, поглядеть детей, что было немаловажно, учитывая достаточно длительную летнюю разлуку.

XLIII.

Самым большим детским праздником в Советском Союзе была новогодняя ёлка. Обычно она устраивалась в общественных местах: театрах, домах и дворцах культуры, просто в помещениях организаций, вплоть до Кремля. При этом устанавливалась украшенная игрушками, гирляндами и цветными лампочками ёлка, ребят развлекали представлением с Дедом Морозом и Снегурочкой, а затейник старался привлечь к участию в праздновании самих детей. В финале выдавались в праздничных упаковках

незамысловатые подарки, обычно съестные: конфеты, печенье, фрукты и т.п. Иногда практиковался заказ приезда Деда Мороза и Снегурочки на дом с выдачей подарков, заранее приобретённых родителями. Коллектив отдела ЛОНИИС, где я работал, пошёл по самостоятельному пути. Была выделена автомашина, на которой подарки развозили сотрудник и сотрудница отдела, одетые Дедом Морозом и Снегурочкой. Они не только раздавали подарки, но и, по мере способностей, старались развлечь детей. Правда, один раз случилась большая неприятность. Учитывая, что родители хорошо знали «артистов», их старались угостить в каждом доме. К концу мероприятия Дед Мороз (Володя Соколов) так «наугощался», что, потеряв бдительность, закурил, и загорелась декоративная, ватная борода. В результате Соколов надолго попал в больницу с ожогами, а дальнейшие «лониисовские» Деда Морозы были уже некурящими.

XLIV.

Существует психологическое понятие «детская кража», когда дети берут чужое, не получив разрешение. Психологи считают, что такой поступок — не совсем криминал, так как у детей ещё не всегда четко сформировались понятия «своё—чужое». К сожалению, это иногда не проходит с взрослением, приобретая уже совсем другую окраску. С подобной ситуацией мы столкнулись, когда Максим (сын) был в начальных классах школы. Один из его одноклассников (сын проректора ЛЭИСа — Смирнова), приходя к нему в гости, незаметно брал из «Хельги» (комбинированный шкаф-сервант) коллекционную жвачную резинку, которую дети по моему настоянию никогда не использовали по назначению, а, главное, значки и брелки из висящей в коридоре коллекции. Впоследствии с большим трудом удалось вернуть некоторые из них, но самый ценный австрийский серебряный значок в виде герба Австрии так и пропал.

XLV.

Мои отношения с детьми сложились лучше, чем у многих родителей, но, на мой взгляд, хуже, чем мне бы хотелось. Думаю, что дело, если можно так сформулировать, в интеллектуально-эмоциональной наследственности. Как мне кажется, дочь (Алла) унаследовала мою эмоциональность (характер) и интеллектуальность Зины (жены), а сын (Максим) наоборот, мою интеллектуальность, но, к сожалению, частично Зинин характер (эмоциональность). (Всё это, конечно, с поправками на половую и возрастную разни-

цу.) Такое сочетание эмоционально-духовной и интеллектуально-рациональной сущностей, к сожалению, не всегда и не во всём даёт положительные результаты, что ощущается, в частности, и в наших семейных контактах. Эти факторы наверно и привели к различию в их национальной идентификации (при этом в советских паспортах они по матери оба были записаны русскими). Если сын в какой-то степени тяготеет к еврейству, то дочь всегда и везде — к коренной национальности: в России к русским, в Америке к американцам, и наверно, если бы жила в Гренландии, то к эскимосам (это уже нельзя оправдать детской боязнью отличаться от окружающих). Именно поэтому она, пренебрегая ценностями нашей семьи, предпочла семейные принципы американского мужа, к сожалению, не всегда позитивные. При этом надо отметить, что дети, как и семья в целом, тяготеют к моим, а не Зининым родственникам и знакомым.

Иногда в жизни, в какой-то мере, наши дети напоминают верующего из анекдота, на ежедневные просьбы которого помочь выиграть в лотерею Бог советовал ему для начала купить лотерейный билет. С определённой долей условности динамику моих взаимоотношений с детьми можно описать, как движение от почитания, через уважение, к определённому отторжению, что наверно частично можно объяснить процессом взросления.

Что касается внуков (детей Аллы — Дженнифер и Энтони), то при всей моей любви к ним меня очень беспокоит их интеллектуальное развитие. Не считая школьного, несколько поверхностного образования, они в основном, как мне кажется, кроме спорта, занимаются только компьютерными играми, которые в массе своей достаточно примитивны, и общением в соцсетях Интернета. В их возрасте (11—14 лет), в мое время, несмотря на войну, детские интересы были связаны с книгами (в частности, энциклопедиями), коллекционированием (марок, монет) и тому подобными элементами становления интеллекта. Хочется надеяться, что в дальнейшем всё это будет скорректировано.

XLVI.

Моими ближайшими приятелями были Модик Вайсбурд и Боря Короткин, которых, к большому сожалению, уже нет в живых. Из многолетних многогранных дружеских контактов с ними хочу отметить некоторые, может быть, мелкие, но любопытные моменты. Время от времени мы с Модестом любили поужинать вдвоём. Обычно он не поддерживал мое предложение встретиться у меня дома за хорошим обедом (видимо его, холостяка, в какой-то мере тяготила моя семейственность) и мы выпивали на кухне, в его

однокомнатной квартире, закусывая сыром и дешёвой колбасой, из-за которой я однажды, назвав её «едой для собак», сам того не желая, очень обидел Модеста, у которого она была дежурным блюдом. Интересным эпизодом в жизни Модеста, в котором я принимал активное участие, был фиктивный брак. Это было нужно его знакомой Елизавете Брук для прописки в Ленинграде (жила она в пригороде — Бернгардовке), без которой нельзя было построить кооперативную квартиру в городе. В какой-то момент «жена», по-моему, не имела ничего против трансформации фикции в реальность, но, не получив поддержки Модеста, она вышла замуж за нашего общего знакомого — Анатолия Урина. Впоследствии мы с женой встречались с ними в Париже, куда они иммигрировали. Именно там у них в гостях я в первый и, думаю, последний раз попробовал мидии — это, конечно, не устрицы, но, по-моему, тоже не очень съедобно. Со своей же многолетней «гражданской» женой Ниной Иванчиковой Модест зарегистрировался только в конце жизни, после чего они прожили очень недолго перед его смертью в Израиле.

С Борисом были очень теплые отношения, обеспечивающие взаимопомощь и поддержку всегда, особенно в трудные жизненные моменты. Запомнился переезд нашей семьи на улицу Белоусова, почему-то в новогодний вечер, в котором Борис принимал активное участие. В заключение мы с ним выпили долго стоявшую у меня «маленькую», и от усталости я заснул на раскладушке, с которой меня сбросила пришедшая родственница Клара непосредственно перед 12-ю часами. Вот такая была встреча 1973 года.

Несколько своеобразно развивались отношения с одноклассником Эммануилом (Илей) Бегаком. В школьные годы наши отношения были натянутые — слишком разными людьми мы были, но уже в постстуденческое время они улучшилось. Постепенно жизнь сглаживала наше различие, выявлялись точки соприкосновения, и мы очень сблизились. Внешне он был крупным, интересным парнем (правда, рано польсевшим), и обгонял меня в «любовных соревнованиях». Иля сыграл огромную, неоценимую роль в решении медицинских проблем наших детей. Да и взрослые представители нашей семьи не чурались его помощи, даже после эмиграции — приезжая в Ленинград (извините, Петербург), мы часто при необходимости обращались к нему, и всегда он шёл нам навстречу. Интересно, что, будучи высококвалифицированным врачом-рентгенологом и имея соответственно широкий круг знакомств, он оказывал содействие в решении самых разных проблем: от устройства детей в санаторий и тёщи в дом престарелых до организации вывоза нашей собаки в США, который сорвался не по его вине. Он же подсказал мне такую мелочь, что целесо-

образно класть мыло в мыльницу на её борт, чтобы оно не мокло. Кстати, очень жаль, но крайне грустное впечатление произвела последняя (перед его кончиной) наша встреча — он передал мне школьные фото для моих воспоминаний. Это происходило близко от его дома, у станции метро «Сенная площадь», и мне кажется, что его мрачность объяснялась и тем, что общались мы не у него на квартире. Вообще надо заметить, что его последняя жена — Рая, при всех её положительных качествах, не очень любила принимать гостей, что тяжело переживал Иля. Он рассказывал, что как-то даже сказал ей: «Тогда и ты должна перестать ходить в гости». Когда же мы вдвоем с женой заходили к ним, то часто женщины беседовали в комнате, а мы с ним на кухне выпивали и закусывали, чем «бог послал». Так что мне кажется, что этот брак, как часто бывает, не был лучезарным, а жаль...

Очень печально, что их всех уже нет среди нас!

XLVII.

Женщины меня всегда интересовали, что же касается женских нарядов, то я сторонник строгого стиля одежды, например, английских костюмов с узкими юбками и белыми блузками, правда, иногда мне нравились кофточки в народном стиле «а ля рус». Всё это особенно гармонично смотрится при наличии скромных, не ярких внешних данных. Также мне всегда были симпатичны сдержанные женские причёски, длинные волосы, на мой взгляд, наиболее женственны. Косметику и украшения желательно тоже свести к минимуму, а не превращать лицо в заштукатуренную маску, а фигуру в новогоднюю ёлку.

Кстати, недавно русская православная церковь (РПЦ) аргументированно высказалась за введение в России дресс-кода, что вызвало волну возмущения. Не будучи по многим причинам сторонником РПЦ, я тем не менее поддерживаю это предложение, хотя и не знаю, решит ли оно полностью поставленные задачи. Оставляя в стороне абсолютно нелепые возражения оппонентов, хочу остановиться на основных. Во-первых, церковь обвиняют во вмешательстве в дела светского государства, не замечая, что вопрос предлагается решать на общественном, а не на государственном уровне. Во-вторых, призывают решать более существенные проблемы страны, забывая о подчеркиваемом ими же принципе отделения церкви от государства. И, наконец, игнорируют то, что границы дозволенного, в одежде, в частности, абсолютно условны — сегодня можно то, что нельзя было вчера, и наоборот.

Большой популярностью у жителей Советского Союза пользовались фирменные магазины стран народной демократии, да и я не проходил мимо и старался бывать в них. Это были открывшиеся в разное время в Москве и Ленинграде польская «Ванда», в основном косметика и парфюмерия, и немецкий «Лейпциг» с широким ассортиментом товаров. Обычно каждое утро перед их открытием у входа собиралась толпа жаждущих попасть в первую очередь. Покупателей привлекало не столько качество и оригинальность товаров (хотя и это тоже), сколько то, что это было своеобразное окно в заветный для советских потребителей западный мир. Позднее в Москве открылся индийский магазин «Ганг», но он представлял уже гораздо меньший интерес, так как торговал сувенирами: поделками из дерева (у меня до сих пор сохранились деревянные фигурки слонов), металла, камня и тканей. Со временем, с увеличением открытости общества и контактов с границей, всё это отпало само собой.

Я всегда любил и люблю сувениры, поэтому из своих многочисленных поездок старался привезти что-нибудь на память. Обычно это были какие-нибудь мелкие вещи, но пару раз ими оказались достаточно громоздкие предметы. С Кавказа была привезена большая керамическая напольная ваза в зеленых тонах, которая была преподнесена нам друзьями в качестве свадебного подарка и сейчас стоит на веранде нашей квартиры в Соединённых Штатах. Из Средней Азии с большим трудом из-за их габаритов я привез бамбуковые занавески с рисунком (по-моему, вьетнамские), которые так и остались висеть на дверях в нашей ленинградской квартире после эмиграции. И, наконец, будучи в Туле, я, следуя моде на самовары, приобрёл по знакомству на заводе-изготовителе комбинированный (обычный и электрический) самовар, к сожалению, из-за требуемого ему вольтжажа ставший в Америке только декоративным.

Из своих заграничных командировок Зина (жена) регулярно привозила мелкие сувениры (мне обычно галстуки), из которых сохранились два тяжелых металлических брелка, предназначенных для неё и меня — оленёнок и заяц. Последнего я, согласно тогдашней моде, долго носил на брючной петле для поясного ремня. Эти брелки послужили началом большой коллекции, которая сейчас украшает одну из стен нашей квартиры, рядом с набором советских орденов, мадалей и наградных значков.

Очень хочу сказать несколько слов в защиту «советского народа», вызывающего на сегодня у многих отрицательные эмоции. Во-первых, главное, советский народ, впитавший все этнические составляющие страны, БЫЛ, и это успешно отражало интернациональную сущность СССР (еврейский вопрос и репрессированные народы — отдельные проблемы). К огромному сожалению, исторический процесс разрушил, как и многое другое, эту социальную структуру. В настоящее время раздаются голоса вообще о невозможности существования подобного явления. Этим горе-знатокам хочется напомнить о таких общеизвестных фактах, как наличие в сегодняшнем мире американского народа, а также канадцев, австралийцев и швейцарцев, успешно объединяющих совершенно разнородные этнические группы, со своим языком, религией, менталитетом. Я думаю, что достижения этих современных народов ни у кого не вызывают сомнений и говорят сами за себя.

Необходимо отметить, что советское общество обладало определённой клановостью. С некоторой долей условности это — партийное руководство и примыкающее к нему хозяйственное, интеллигенция, включая служащих, промышленные и сельскохозяйственные рабочие. Каждый «клан» занимал соответственное положение в обществе и располагал различными возможностями. В современной России количество «кланов» резко сократилось — до двух. Это те, кто имеют «большие» деньги, и те, кто их не имеет. Причем, характер происхождения денег роли не играет — не важно, сделал ли ты мировое открытие или успешно провёл ограбление. Не думаю, что подобный «прогресс» является оптимальным движением к «светлому будущему».

Необходимо констатировать, что долголетнее послевоенное противостояние с Западом, то, что называлось «холодной войной», не в пример Великой Отечественной, Советский Союз проиграл, я бы сказал, вчистую. В конечном счете, это привело к распаду СССР и современная Россия является наследницей этого поражения. По-моему, только наличие арсенала ядерного оружия и значительные экономические ресурсы не позволили свести страну до уровня слаборазвитых государств третьего мира. Наверное, нет особого смысла искать виновных и причины сложившейся ситуации — видимо, так было исторически запрограммировано. Правда, такой известный общественно-политический деятель, как уважаемый мной А.Е. Бовин, считал ликвидацию Советского Союза трагедией,

катастрофой, которая является «результатом недалековидности, ограниченности политических лидеров», которых, в свою очередь, «суд истории не оправдает» («5 лет среди евреев и мидовцев» М., 2002 г.). Вообще, в истории важно не сегодняшнее положение вещей, а тенденция развития. Так, например, не верящим сегодня в большое будущее динамичного Китая можно напомнить о диких английских колониях в Америки: кто мог представить, что через 150 лет они превратятся в ведущую державу мира.

Одним из характерных проявлений советско-западного противостояния была закрытость страны, в частности, затруднительность любых контактов с заграницей. Даже для элементарной турпоездки необходимо было получить специальную характеристику, утверждавшуюся после собеседования в райкоме партии. Сейчас это история, но тогда было, мягко говоря, мало приятно. Однако всё имеет две стороны и такое всестороннее «запугивание» не только сковывало пребывающих за границей, но и приводило к сдержанному поведению, отсутствие которого создало на сегодня в мире стойкий негативный образ россиянина.

LII.

При «перестроечной оттепели», когда в значительной степени ослаб государственный антисемитизм, не помню, по какому поводу, в ленинградском Манеже на Исаакиевской площади была организована выставка еврейских художников. Существенным была не столько художественная ценность экспозиции, сколько сам факт проведения такой выставки. Свой восторг я высказал на открытии выставки, при её обсуждении после просмотра, где ко всему прочему вспомнил слова любимого мной Виктора Некрасова о том, что нацисты убивали представителей разных народов, но только евреев за их национальность. Именно он при поддержке некоторых деятелей русской и украинской культуры (Д. Шостаковича, Е. Евтушенко, И. Дзюба) инициировал общественное признание Бабьего Яра, как мемориала Катастрофы еврейского народа. Примерно тогда же была попытка организовать еврейский музей в Ленинграде, и я даже принял в этом скромное участие, передав туда ряд еврейских книг на иврите, случайно попавших ко мне (по-моему, от приятеля — Модеста). Если мне не изменяет память, открыть его планировали на площади Труда, в одном из помещений живописного Дворца труда. К сожалению, дальнейшая судьба этого благородного начинания мне неизвестна. Из личных моментов этого периода вспоминается моё участие в избирательных кампаниях в городской и районный Советы народных депутатов. В первом случае я занял только 2-е место,

во втором — выборы, правда, выиграл, но в потребовавшихся перевыборах (из-за малой явки избирателей) по закону принять участия уже не смог.

Но не могу не подчеркнуть, что наряду с подобными позитивными явлениями, «перестройка» несла с собой и достаточно негатива. Ведь известно, что бурные потоки, в том числе общественные, всегда выносят на поверхность пену, мусор, отбросы. Коррупция и взяточничество стали повсеместны. Например, при сдаче в аренду помещений государственных организаций часто оплата целиком или частично шла руководителям этих организаций. Кроме того, возникла и практиковалась система «отката», когда разницу между реальной и продажной ценой товара или услуги получал опять же руководитель предприятия. При этом обычно объявленная цена искусственно занижалась, а разницу с реальной продажной стоимостью или часть её получал продавец, или наоборот — завышалась, а разница частично или полностью возвращалась покупателю. Некоторые финансовые махинации проводились возникшими в стране многочисленными кооперативами. Это не миновало и мой институт (ЛОНИИС), где в частности существовал кооператив, руководимый жуликоватым Мукасем. Кроме того, с перестройкой проявилась тенденция, поначалу очень меня удивлявшая. В организациях и на предприятиях появились руководители, не бывшие специалистами в соответствующих направлениях. Только много лет спустя я убедился, что это характерно для всего мира. Видимо, для успешной деятельности на определённом уровне нет необходимости быть специалистом в конкретной области, достаточно хорошо владеть законами управления (менеджмента) и рынка (маркетинга).

Своеобразной мрачной иллюстрацией этого «лихого» времени может служить трагичная судьба сына одной моей сотрудницы. Он был немного старше наших детей, нормально закончил школу, романтично мечтая о военных подвигах в Афганистане, пошёл в воздушно-десантное училище, но, не попав на войну (она уже кончилась), начал охранную деятельность в Ленинграде и связался с криминалом. Конец «истории» был крайне печальным, он погиб, изрешечённый пулями у входа в какой-то игорный клуб.

LIII.

Знаменитая антиалкогольная кампания 80-х годов вспоминается не только «комсомольскими» свадьбами без алкоголя, глупыми санкциями за употребление его и распространением самогонварения (кроме традиционного, даже из помидоров), но и другими, более личными ситуациями. Это огромные, не всегда мирные оче-

реди в винных магазинах, в которых я был живейшим участником, о чём часто вспоминает сын. Именно в них меня узнал «народ» района, что нашло своё своеобразное отражение при моей, достаточно успешной, баллотировке в народные депутаты — я стал «известным» и своим человеком в микрорайоне. В то время при покупке водки по знакомству я набирал полную дорожную сумку дефицитной «Старки», «Московской» или «Столичной». Уже в дальнейшем проблемы с алкоголем в торговой сети решались появлением дешевого импортного спирта «Рояль» («Royal»), да и других сравнительно недорогих алкогольных напитков (водок), сомнительного качества, но с громкими названиями: «Белый орел» и т.п. Через какое-то время появились в продаже финские вкусные ягодные ликеры (фактически наливки), а затем и вообще всякий заграничный алкоголь.

Если говорить о различных алкогольных напитках, то хочется вспомнить «флеш», так, по-моему, называлась смесь сухого вина и минеральной газированной воды, с которым меня познакомили в Закарпатье. В неполный фужер с сухим вином направлялась струя воды из предварительно взболтанной бутылки, и получалось своеобразное шампанское. Также хочу упомянуть И. Васильева, мужа одной из университетских однокурсниц жены, который никогда не ставил на стол чистую водку и не ограничивался банальной «Клюковкой» (водка с клюквой), а любил настои на дубовой коре, скорлупе грецких орехов, различных травах и других экзотических элементах. Видимо, давала себя знать его натура туриста и химика — он поднимался на Килиманджаро и был профессором ленинградской «Техноложки».

LIV.

Мое восприятие цветов и вообще растительности всю жизнь было двойственным: с одной стороны они всегда мне очень нравились, как в естественных, так и в домашних условиях. В то же время я настороженно относился к домашним растениям в горшках, которые зачастую своей непрезентабельностью портили общий вид помещения. Именно поэтому однажды я «жестоко», вылив чернила в цветочную землю, уничтожил какой-то мамин цветок, росший в старой, ломанной кастрюле. Что касается цветочных букетов, то при всей моей любви к ним, меня всегда очень раздражало то, во что они превращались вскорости. В свете этого до сих пор помню букет ярко-красных роз, который как-то жена привезла из очередной поездки во Францию. Розы оказались очень стойкими и простояли буквально несколько недель — что-то ведь должно быть хорошее во Франции.

LV.

В последней четверти прошлого века в Ленинграде были построены две современные «скандинавские» гостиницы «Прибалтийская» и «Пулковская». Первая при активном участии шведских фирм, вторая — финских. Говорили, что при строительстве «Прибалтийской», которая возводилась на берегу Финского залива, только с помощью привозного шведского оборудования удалось до конца откачать воду из котлована. Мне довелось много раз бывать в этих гостиницах и, в частности, в их ресторанах, первое время покорявших своим убранством (детальными интерьерами, столовыми приборами и т.п.), которое со временем было в значительной мере утрачено. Так что при праздновании моего 60-летия в одном из ресторанов «Прибалтийской» даже не нашлось приличных графинов и фужеров для вина.

LVI.

Мое отношение к А.А. Собчаку, как мэру Ленинграда — Санкт-Петербурга, сменившего последнего председателя Ленгорисполкома А.А. Щелканова, — истинного представителя народа, достаточно негативное. Мне всегда не нравился его демонстративный, воинствующий либерализм показного демократа. Хорошо помню информацию скандального журналиста А. Невзорова о недостойном поведении Собчака во время рекламного круиза парома «Анна Каренина». Невзоров утверждал и демонстрировал по телевизору платежную ведомость, что Собчак получил какую-то жалкую сумму, по-моему, 300 марок, в качестве сотрудника парома. Справедливости ради, нужно заметить, что не только он представлял власти города в этом, несколько скандальном, круизе — участвовали многие, и якобы только А.Н. Беляев (председатель Ленсовета — Санкт-Петербургского горсовета) предусмотрительно отказался. А недавно из заметок А.Е. Бовина, бывшего послом РФ в Израиле, я узнал, что в своё время Собчак не выполнил свои финансовые обязательства перед израильской медициной, попросту — не заплатил. Это были не единственные компрометирующие эпизоды деятельности Собчака, и заслуженным памятником ему являются его декоративная вдова и шокирующая дочь. Именно таких политических деятелей в народе образно называли «дерьмократами» и «либерастами», а их деятельность до и после выборов описывали анекдотом, герой которого, отказываясь заплатить проститутке обещанное, заявляет: «Когда член твердый, душа мягкая, а когда член мягкий, душа твердая».

LVII.

Работая в Ленинградском отделении научно-исследовательского института связи (ЛОНИИС), я много лет участвовал в написании и публикации в издательстве «Связь» различных монографий, посвященных городским телефонным сетям (ГТС). Основную массу из них представляли справочники по многочисленным кабелям ГТС, которые мы составляли с моим коллегой и, позволю себе сказать, другом Давидом Леонидовичем Шарле. Д.А. Шарле был высококлассным специалистом и прекрасно владел «писательским» мастерством. Он оказал большое влияние на меня, как профессионал и человек. Всегда помню его литературный завет: «Нельзя проводить сравнение по разнородным признакам». О двух персонажах нельзя сказать: «Толстый и высокий»; можно только — «толстый и худой» (по толщине) или «высокий и низкий» (по высоте). Никогда не забуду, как он, вне зависимости от вносимого вклада, настаивал на равном дележе гонорара и всегда указывал авторов по алфавиту, заведомо зная, что окажется последним. Я очень переживал его уход из жизни и, к сожалению, не смог познакомиться с моей книжкой воспоминаний. Хочу подчеркнуть, что никакого материального интереса в процессе публикации этих связистских монографий не было — книжные гонорары были мизерными. Также, собственно, как и журнальные, за статьи в журналах «Электросвязь», «Вестник связи» и т.п., которых в результате набралось около 100. Даже оплата валютой некоторых материалов в переводимых за границей отечественных изданиях не меняла общего положение вещей.

LVIII.

Во время «перестройки» у меня возник рабочий контакт с ленинградским, правда, созданным какими-то кавказцами, финансовым объединением «Холдинг», вернее, с его дочерней американо-российской компанией «АмРус». Все началось со звонка представителя фирмы в ЛОНИИС с просьбой дать консультацию по высокочастотным системам связи, а секретарша директора переадресовала его на меня, в то время начальника соответствующего отдела. После этого началось наше многолетнее сотрудничество, включая интересную поездку в США в район Сан-Франциско. Кстати, именно эпизод, происшедший на одной из связистских выставок, где я помогал представлять «АмРус», навсегда отбил у меня желание участвовать в лотереях. Желая максимально расширить контакт с другими организациями связи, руководство фирмы на стенде экспозиции объявило, что по сданным визит-

ным карточкам будет разыграна импортная комнатная телеантенна. Визиток собрали много, но когда я высказал сожаление о дороговизне приза, меня «успокоили», что никто и не собирается его разыгрывать и вручать, что всё это только приманка.

LIX.

При моих многочисленных поездках — командировках в «пивные» страны: Германию, Чехословакию, Голландию, удалось побывать не только в многочисленных пивных, но и в различных пивоварнях. Они были разные: большие и маленькие, выставочные и не очень, но всегда очень интересные, с показом всего технологического процесса производства. Все это обычно сопровождалось дегустацией пива, зачастую ещё неочищенного, якобы ценимого гурманами. С пивом связана одна встреча в поезде Хельсинки—Ленинград с человеком, имеющим отношение к зарубежному пивоварению. Я у него поинтересовался, почему финское пиво «синеврюхов» даже после попадания в Ленинград (явно не менее недели со дня производства) не портится ещё много времени, а местное уже через пару дней скисает и выпадает в осадок. Ответ был элементарно краток: «Надо хорошо мыть производственные чаны». Действительно, с санитарией на пивоваренных предприятиях города (Петербурга) было не всё в порядке: ходили байки об обнаружении в производственных ёмкостях всякой гадости, не только мышей и крыс, но даже трупов.

LX.

Туристическая поездка к родственникам в Израиль запомнилась навсегда своей яркостью и одухотворенностью. Не буду описывать и перечислять всё, что мы увидели и услышали, я это сделал в другом месте (книге). Хочу только отметить, что это было сравнительно спокойное время (октябрь 1998 г.), что редко случается на этой древней земле. Однако один раз и наш автобус задержался в пробке на шоссе, пока ликвидировали на дороге подозрительный пакет. А в таком религиозном центре, как Цфат, запомнился на улице памятник в виде самодельного примитивного миномета «Давидка», по имени «изобретателя». Такие минометы, по словам экскурсовода, сыграли заметную роль в Войне за независимость при существовавшем тогда фактически международным эмбарго на ввоз вооружения в Израиль.

При поездке по стране я впервые увидел в придорожных магазинах различные керамические и гипсовые, иногда раскрашенные, фигурки и вазы, довольно аляповатые, для «украшения» са-

дов и дворики. Как ни странно, но подобное «украшательство» я повторно встретил в совершенно другой части света — в США.

LXI.

При всём моём трепетном отношении к еврейству мои, редкие, правда, контакты с представителями ленинградской синагоги не сложились. В частности, это касается моего предэмиграционного визита в синагогу. Мне было подарено хорошее израильское издание Торы на двух языках (русском и иврите). При отъезде в Америку, учитывая дефицит возможностей перевозки и наличие старинной, дедушкиной Торы (тоже двуязычной), я решил не брать израильскую и подумал, что эта книга будет представлять определённый интерес для синагоги. К большому сожалению, когда я зашел к раввину и с соответствующими словами передал книгу, он принял меня крайне не любезно; небрежно принял дар и, по-моему, даже формально не поблагодарил. Тем не менее, хочу заметить, что во всех своих поездках я всегда старался посетить местные синагоги, особенно, если они имели музейную составляющую, как, например, в Берлине, Амстердаме и на Поклонной горе в Москве.

LXII.

Некоторые горе-политики пытаются утверждать в качестве положительного фактора, что распад Советского Союза в отличие, например, от Югославии произошел мирно, якобы без кровопролития. Да, бывшие республики разошлись в принципе мирно, между собой в основном не воевали, разве что в дальнейшем (Россия и Грузия, Азербайджан и Армения), но гражданская война внутри многих продолжается уже много лет. Достаточно указать на полыхающий в России Северный Кавказ. В своё время я много раз и в разных местах побывал на Кавказе и смею авторитетно утверждать, что, несмотря на наличие, может быть, каких-то внутренних противоречий, обстановка была абсолютно спокойной и, главное, безопасной. Конфликты с приезжими не выходили за рамки бытового противостояния из-за женского персонала, да и зачастую по вине последнего — которого привлекала экзотика местных представителей. Ни холодное, ни тем более огнестрельное оружие в большинстве случаев не использовалось. Всё это не похоже на сегодняшнее Прикавказье, являющееся фактически зоной военных действий и поставяющее терроризм в другие районы России.

LXIII.

Перед нашим отъездом в Америку я решил из имеющегося дома лома золота (в частности, остатков корпуса «растерзанных» старинных часов-медальона) сделать для сына (Максима) подвеску-магендовид, в частности, предполагая, что так будет удобнее осуществить его вывоз, а главное, поддержать этим интерес сына к еврейству (одно время он даже хотел получить израильский паспорт, но это оказалось достаточно сложно). В ювелирной мастерской (около ДЛТ), где выполнили этот заказ, я настоял, чтобы пробное клеймо было не на соединительном кольце, как, видимо, делалось обычно, а на самой звезде, так мне казалось более правильно. Максим же после всех перипетий отказался от золотой подвески и ему мы сделали, используя ручку столового ножа, серебряную, а золотую я до сих пор ношу на золотой цепочке, подаренной израильскими родственниками к моему 75-летию.

LXIV.

Предиммиграционные процессы реализации материальных ценностей проходили крайне болезненно. Одно время даже рассматривался контейнерный вариант перевозки вещей, но по организационным (сложность маршрута Петербург — Сидер-Фоллс) и финансовым (дороговизна) причинам быстро отпал. Не говоря о хозяйственных предметах, одежде, книгах и даже мебели, которые оказались практически никому не нужными, даже такие ценные вещи, как автомашина, гараж, дача и квартира были проданы неудачно. Продажа машины и гаража не вызвала больших трудностей, но и не принесла финансового успеха. Дачу я вначале хотел продать через агентство, но типовой договор оказался совершенно неприемлемым: мои обязательства были обширны, а у агентства не было никаких. Потом, после установки объявления прямо на участке (чтобы не надо было объяснять и демонстрировать место расположения и данные объекта продажи), сравнительно быстро нашелся покупатель — не очень хороший, но я уже не мог выбирать. Квартира была продана позднее через риэлтора (современная интерпретация малопочтенной советской «профессии» маклера), выбор которого, к большому сожалению, оказался крайне неудачным. Не говоря уже о большом проценте, который агент получил целиком помимо агентства, он умудрился организовать продажу (май 2006 г.) буквально накануне резкого подорожания квартир, на чём мы потеряли очень большие деньги (более 100 тысяч долларов). Так что миллионером я не стал —

пришлось переквалифицироваться, правда, не в управдомы (по Остапу Бендеру), а в пенсионеры.

LXV.

При жизни за «железным занавесом» в Советском Союзе сложилось бытовое мнение о Западе и, в частности, о Соединённых Штатах, как о земном рае, где существует полная благодать, материальное изобилие и доллары «растут прямо на деревьях». При этом информация об имеющихся недостатках, таких, например, как безработица, относилась на счёт антизападной, в том числе антиамериканской риторики. На самом деле, необходимо отметить, что при личной встрече с американской действительностью эта радужная картинка значительно тускнеет и всё приобретает гораздо более реалистичный вид, со своими трудностями и проблемами, как экономического, так и эмоционального плана. Правда, при этом хочу подчеркнуть повсеместную доброжелательность простых людей. Так, окружающие американцы приняли активное участие в судьбе Аллы (дочери) и бескорыстно помогали ей в начальный период её жизни в США, да и мы с женой по приезде не были обделены вниманием.

LXVI.

В Соединённых Штатах, куда я иммигрировал, очень многое для меня, естественно, оказалось странным. В частности, вызывает большое удивление, чтобы не сказать возмущение, практика судопроизводства, когда преступника оправдывают под формальным предлогом — при сборе улик были допущены определённые юридические нарушения, что искусно используется адвокатами. Не понятно, почему в этом случае не применяется здоровое решение: преступник на основе собранных материалов осуждается, а нарушивший правила работник следствия наказывается. Тогда, как говорится, были бы «и овцы целы, и волки сыты». В качестве примеров, когда, хотя всем было совершенно ясно, что обвиняемый виновен, но из-за процессуальных накладок вердикт объявлялся оправдательным, достаточно вспомнить спорные процессы над Анджелой Дэвис и О. Дж. Симпсоном. Говоря об общественных и юридических особенностях США, я умышленно оставляю за скобками, как требующую специального рассмотрения, оценку криминальной специфики большого контингента населения страны негритянского и латиноамериканского происхождения.

В последнее время меня потрясает волна «праведного» возмущения, вызванная новыми, совершенно справедливыми закона-

ми некоторых штатов США (Аризона, Юта и др.) об ужесточении отношения к нелегальным иммигрантам. Если и говорить об их недостатках, то только о запоздалости (исправлять всегда труднее — требуется больше усилий, чем не допускать). Мне совершенно не понятно, почему людей, нарушающих закон (в данном случае иммиграционный) нельзя выявлять (любыми способами) и наказывать, тем паче, что именно они являются рассадником преступности. Все разговоры о расистском характере этих законов не имеют никакого основания: законы не виноваты, что нарушителями в данном случае являются в подавляющем большинстве представители одной национальности (мексиканцы). И все-таки я не теряю надежды, что здравый смысл в конце концов победит и справедливость восторжествует.

При всем при этом хочу подчеркнуть мою сугубо положительную оценку полицейских структур страны. Если в СССР или России встреча с милицией не сулила ничего хорошего, а при виде милиционера, даже не чувствуя никакой вины, ощущался определённый дискомфорт, то в США наоборот: встречая полицию, понимаешь, что появился защитник и помощник. Был характерный случай, когда обстоятельства вынудили меня остановить патрульную машину, и полицейский любезно подвез меня к дому дочери.

LXVII.

Дискуссия в США о праве владения огнестрельным оружием (Вторая поправка к Конституции) ещё раз показывает, что в принципе справедливые законодательные положения иногда могут приводить к нежелательным результатам. Никто не посягает на Конституцию, но, учитывая, что поправка была принята совершенно в другое время (1791 г.), и участвовавшие трагические инциденты, напрашивается не отмена её, пользующейся большой поддержкой общества, а принятие более строгого законодательства по приобретению, хранению и использованию этого оружия.

Косвенно с использованием оружия связана проблема отказа некоторых военнослужащих воевать в Ираке и Афганистане. Оставляя в стороне вопрос о правомерности этих военных действий (хотя очень хочется напомнить экспортёрам западной демократии о печальной судьбе экспорта советского социализма), мне кажется, необходимо учитывать контрактный характер современный американской армии, когда человек добровольно заключает контракт на прохождение службы. Наверно, по крайней мере, глупо, а скорее преступно при этом не подчиняться приказу командования. Военнослужащий, как гражданин, вправе иметь и выска-

зывать своё мнение, но это не должно приводить к нарушению воинской дисциплины. Конечно, базы на территории США, где, получая все причитающиеся блага, ты ничем не рискуешь, лучше, чем «горячие точки», где под угрозой твоя жизнь, но это твой выбор. Иначе солдат уподобляется сталевару, который какую-то сталь хочет варить, какую-то нет, или шахтеру, выбирающему, где ему желательнее добывать уголь. Думаю, что абсурдность подобных явлений не подлежит обсуждению.

LXVIII.

Одним из явлений, повергших меня в шок в Соединённых Штатах, было лояльное отношение общества к однополым отношениям (гомосексуализму). Уже на свадьбе Аллы (нашей дочери) один из родственников жениха был со своим сожителем, и это совершенно спокойно было воспринято окружающими. Второй раз я столкнулся с такими отношениями уже в Веро-Биче (Флорида, США). Мне нравилась одна продавщица, и всякий раз, бывая в магазине, я старался уделять ей внимание, которое она принимала достаточно доброжелательно. В какой-то момент я заметил, что она избегает меня и старается не сталкиваться, а через некоторое время обнаружил, что она сблизилась с другой продавщицей, явно лесбиянского типа. Это была женщина небольшого роста, с мальчишеской стрижкой и угловато-резкими движениями, контрастирующими с вальяжной походкой с покачиванием бедер моей знакомой. Кроме таких личных моментов, вокруг меня была масса информации в СМИ об однополых браках, о гомосексуалистах в армии, о геях и лесбиянках на руководящих должностях в обществе и т.д. Необходимо подчеркнуть, что секс — дело личное, и каждый вправе реализовывать свои желания, как ему больше нравится, но это ни в коем случае не должно отменять неестественность и незаконность, а иногда и преступность отдельных случаев. Что касается детей в однополых, так называемых, семьях, то такая ситуация кажется мне негативной для детской психики. Пример неполных семей неправомерен: отсутствие одной руки — трагедия, но появление на её месте ноги — катастрофа! Мне начинает казаться, что в дальнейшем, следующей ступенью вседозволенности будет освящение зоофилии и разрешение, узаконивание заключения браков с животными, а в случае сексуального самоудовлетворения объявлять супругами самого (самою) себя. А почему бы нет! К сожалению, все это создает определённую порочную атмосферу в менталитете страны. Справедливости ради, вынужден заметить, что в этом «прогредессе» Соединённые Штаты не одиноки, достаточно упомянуть ФРГ, да и многие другие страны Западной Европы не отстают.

LXIX.

Не могу пройти мимо американской медицины. Я уже отмечал (в книжке воспоминаний), что медобслуживание в США меня несколько разочаровало. В мыслях рисовалась фантастическая картина: на мне куча датчиков, выдающих на дисплей информацию о работе всего организма, по которой опять же компьютер диагностирует, выдает рекомендации и назначает лечение. Несмотря на высокую техническую оснащенность клиник, реальность была очень далека от этой идиллии. Всё по старинке: на основе анализов врач устанавливает диагноз (правильность которого напрямую зависит от его квалификации) и назначает лекарство (иногда в интересах фармацевтических фирм). Специализация доведена до абсурда: иногда одну проблему решают несколько врачей, как в анекдоте, когда делать клизму шли два медика, так как один знал, куда делать, а второй как. Сами врачебные решения зачастую далеки от оптимальных. Так, глазной врач после тщательного осмотра не обратил внимания на мою катаракту, которую определили и начали лечить ещё в Ленинграде. А с дантистом вообще произошел курьез. Отказавшись смотреть российский рентген (думаю, для увеличения стоимости визита) и сделав обширный свой, он лихо сообщи: больной зуб, по-моему, 4-й, верхний справа, нужно удалить. Так как я хорошо знал свои зубные проблемы, то вынужден был сказать: «Всё правильно, только не справа, а слева». Как говорится, комментарии излишни. Когда же жене была успешно проведена сложнейшая операция на сердце (коронарное шунтирование), второстепенный наружный шов после изъятия участка ножной вены долго гноился и не заживал, как оказалось, из-за оставленного куска нитки. Такие проколы, чреватые серьезными проблемами, конечно, вероятны не только в американской медицине, но за Соединённые Штаты, где уделяется столько внимания здравоохранению и выделяется столько денег на него, особенно обидно. Всё это ещё раз убедило меня, что к медицине везде и всегда целесообразно обращаться только тогда, когда уже нельзя не обращаться. Кстати, пытаюсь копировать систему страховой медицины, Россия, в очередной раз, наступает вторично на те же грабли.

LXX.

Живя в Сидер-Фоллсе (Айова, США), я вынужден был столкнуться с некоторыми ремонтными работами, показавшими определённые особенности малого строительства в Соединённых Штатах. Сразу хочу отметить такие положительные качества, как

быстрота и аккуратность. Однако это не исключает формализма в исполнении. Так, при проведении гидроизоляции фундамента дома были вырыты традиционные углубления для попадания света в окна жилого подвала, хотя в нашем доме они были не нужны, так как в отличие от общепринятого варианта эти окна были выше уровня земли. Меня очень удивила применяемая система оплаты ремонтных работ в зависимости не от объёма, а от затраченного времени, что естественно обратно пропорционально квалификации работника. Также было очень странно, когда при попытке замены ковра (коврового покрытия) в комнатах мы обнаружили под ним хороший паркет, который после циклевки небольшого участка с радостью стали использовать.

Совсем смешной случай произошёл при послеураганном ремонте нашей квартиры в Веро-Биче (Флорида, США). Ремонтники умудрились поставить ручки на туалетных дверях защёлкой... наружу! Единственным объяснением такого ляпсуса может быть только то, что все рабочие были малоквалифицированные латиносы из стран Центральной Америки. Отдельной трудностью является вбивание крепежных элементов (гвоздей и т.п.) в стенки комнат, так как стеновой материал — сухая штукатурка не годится для этого, а обнаружить деревянные стойки каркаса довольно сложно (не помогали даже специальные приборчики), да они и резко ограничивают возможные места использования.

LXXI.

Большой проблемой в Америке оказался ремонт изношенных или сломанных вещей, так как соответствующих мастерских или нет, или крайне мало, и найти их очень сложно. А когда мне это удавалось, то меня ошарашивала стоимость. Так, за небольшую починку мужских полуботинок в найденной с трудом обувной мастерской с меня запросили цену приличной пары обуви, а ремонт настольных часов потянул на стоимость хороших, новых. Единственным исключением является, наверное, лёгкость, с которой заменяются батарейки в часах или других приборах. Видимо, в основном у американцев ремонтировать что-либо просто не принято — проще и дешевле купить новую вещь.

LXXII.

Однажды, воспользовавшись приездом сына в Веро-Бич, мы съездили в Ки-Вест (Key West). Ки-Вест — городок на одноимённом острове, последнем входящем в гряду островов Флорида Кис (Florida Keys). Ночевали мы, проехав Майами, на материковой

части штата, где гостиницы сравнительно с островами ещё относительно недороги. К сожалению, мы тогда не знали о таком близко расположенном, интересном туристическом объекте, как «Коралловый замок» («Coral castle»). Назавтра экзотика началась с дороги, которая шла по дамбам и мостам, соединяющим отдельные острова гряды. О самом городке много сказать нечего, так как из-за огромной массы туристов (Максим не смог даже припарковаться и все время курсировал кругами) полностью осмотреть его практически не удалось. Мы отметились у памятного знака «самая южная точка континентальных США» и побывали у домика Хемингуэя с маленьким тенистым парком. В этом доме писатель провёл много времени и в нём по-старому сохранилось много кошек (почему-то только чёрных), которых он так любил. Из-за жесткого временного графика со знаменитой выставкой «Мир бабочек» мы познакомились только снаружи. Вообще, сюда надо приезжать на более долгий срок и не в туристский сезон.

LXXIII.

Поездка в Бостон была вызвана моей давнишней мечтой посетить этот город, как мне казалось, интеллектуальный центр Соединённых Штатов, этакий американский Ленинград. К тому же появилось желание передать мою книжку воспоминаний бостонским приятелям и знакомым. Мы с сыном познакомились с городом самостоятельно, пройдя несколько километров по «красной линии» на тротуаре, соединяющей основные достопримечательности (очень удачное решение для туристов). На одной из улиц мы встретили религиозное шествие, посвященное св. Антонию; при этом самым запоминающимся была несомая большая фигура святого, покрытая долларовыми купюрами (не очень понятно, зачем). Странно, что мы не наткнулись на Чайна таун (China Town — китайский город), обычно шумный торговый район во всех крупных городах США, с огромным количеством магазинчиков и ресторанчиков с китайским оттенком. В целом, Бостон произвел хорошее впечатление, если не обращать внимание на несколько вольно ведущую себя молодежь.

Книжки я передал, а в одном случае даже произошла импровизированная презентация. Приятели собрали своих знакомых, постоянно встречающихся для обсуждения отдельных культурных явлений — своеобразный клуб. Встреча прошла очень интересно, правда, в конце одна из присутствующих, уходя, обвинила меня в ностальгии, как будто ностальгия — это преступление, а не естественное состояние, особенно пожилых людей.

Одну из книжек мы передали моему ленинградскому знакомому — Илье Соломоновичу Саковскому, поразившему нас своей

бодростью при более чем 90-летнем возрасте (1914 год рождения). Второй раз мы столкнулись с американским долгожительством на праздновании 90-летия Эла (Альфреда) Вейсдорфа — мужа моей «американской» двоюродной сестры Эдит. Воистину, когда живёшь в хорошей стране, живёшь долго.

LXXIV.

«Литературные» проблемы, подобные бостоновским, привели меня и в Сент-Луис. Знакомые организовали мне профессиональную экскурсию по городу. Мы побывали в красивом парке с памятником Людовику IX, в интересном кафедральном соборе с многочисленными мозаичными панно, видели памятник первым евреям-иммигрантам, посетили бывший вокзал, преобразованный в молл, прошлись по приятному городскому скверу с декоративными изваяниями и, наконец, со специальной смотровой площадки со скульптурой спонсора М. Мартина полюбовались символом Сент-Луиса — огромной металлической аркой на берегу Миссисипи (арх. Ээро Сааренен). Из «еврейских» достопримечательностей, кроме одной из синагог, удалось посетить обширный Еврейский центр со спортивным и культурным комплексами, а в последнем — даже музей, посвященный Холокосту. Город, несмотря на свою общепризнанную криминальность, мне понравился — это очень связано с вниманием, с которым меня принимали. Кроме того, в домашнем «клубе» была проведена своеобразная презентация моей книжки (порядка 30 участников), которая прошла живо и интересно. Несколько экземпляров воспоминаний получили мои знакомые, один обещали передать в местный университет, а другой я сам отдал в библиотеку Еврейского центра.

LXXV.

После моей эмиграции из России я старался ежегодно под разными предлогами побывать в Петербурге. Каждый мой приезд был для меня волнительным. Проходя по близким мне местам неказистого Кировского района, в котором я прожил почти 30 лет, я всегда испытывал некоторый трепет. Правда, сам Ленинград-Петербург не вызывал должной радости. Дело в том, что спальные районы, если не считать отдельных новомодных архитектурных вкраплений, запущены, а центр отлакирован чуждыми для меня отелями, бутиками и фирмами с соответствующей иноязычной рекламой. Некоторые же «достижения» меня просто шокировали; как, например, большие разрушения, и, в частности, снос здания ДК Первой пятилетки (арх. Н. Митурич) и фрагментов Литовского рынка (арх.

Д. Кваренги), связанные с якобы необходимым расширением Мариинского театра. Реализация этого проекта, к слову сказать, скандально тянется уже многие годы. Очень печально, что инициировал этот вандализм (иначе я назвать не могу) один из известнейших представителей культуры современной России — В.А. Гергиев; видимо, сыграл свою роль тот факт, что он не ленинградец.

Кафе и рестораны, в которых я бывал ещё студентом, стали недоступны. Это уже не мой — чужой город. Вообще такая тенденция трансформации города в этакий западный центр не совсем удачна — западным он не стал, а собственную самобытность и шарм потерял. Я бы сравнил это с тем, как потомки старого аристократического рода пытаются войти в круг новоявленных «нуворишей» — своё теряют, а чужого не приобретают. Ещё Г. Гейне сказал (правда, по другому поводу): «От ворон отстал, а к павам не пристал».

В отношении плана строительства в Петербурге небоскреба-башни «Охта-центра», вызвавшего большой общественный резонанс, моя позиция была нейтральной. С одной стороны, я понимал противников возведения этого сооружения, с другой учитывал историю Эйфелевой башни: первоначально парижане выступали против неё, как «уродующей» город, а впоследствии она превратилась в любимую эмблему Парижа.

Но вне зависимости от чего угодно я всегда буду с радостью посещать Ленинград-Петербург — свой родной город!

LXXVI.

Одну из поездок в Россию я решил совместить с посещением Копенгагена и Таллина. В Копенгагене мы с женой гостили в доброжелательной семье сына нашего давнишнего бакинского приятеля Исмета Гезалова — Айдына, жену которого — Ираду мы знали, а с детьми — Джавидом и Эмилем познакомилась. Кстати, меня несколько удивило, что дети говорят по-русски, по-датски и по-английски, но не знают азербайджанского языка, что, наверное, можно объяснить определённой космополитичностью семьи. Копенгаген оказался милым, приятным городом с огромным количеством велосипедистов, со своим символом — Русалкой в море, которая вблизи оказалась не такой уж выразительной. Кроме того, мы успели посетить в пригороде (Эльсиноре) старинный замок Кронборг, место действия шекспировского «Гамлета». Правда, и то и другое один блогер, наверное, не совсем справедливо назвал «фигнёй».

В Таллине нас принимал мой старинный коллега и приятель Ааво Энслинг с милой женой Тией. Сам Таллин несколько разо-

чаровал меня — мои любимые места изменились: здание Таллинской телефонной сети, где я работал и жил, превратилось в польское посольство; милые магазинчики ул. Виру — в банальные (чуть не написал анальные) рестораны со столиками, перекрывшими улицу; старинная Ратушная площадь — в туристический базар, а вместо «Бронзового солдата» (памятник советским воинам, скандально перенесённый из центра города на кладбище) появился невыразительный «Монумент победы» (в честь войны 1918—20 гг.). Даже вновь построенная синагога подавляла своей современностью. Кроме всего прочего, меня очень расстроило, что умер Исаак Глюкман (мой второй таллинский приятель), а его сын Жан, которого я помню приятным парнишкой, сидит в тюрьме за наркотики. «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!». В заключение, на пути в Москву, в поезде была некоторая заминка с паспортным контролем (в российском паспорте, так как он был новый, не было отметки выезда из России), но в результате всё утряслось. Несмотря ни на что, было очень приятно побывать в любимом Таллине, хоть теперь у него на конце и два «н».

LXXVII.

Американские «достижения» детей (Аллы и Максима) я не всегда считал достаточными и позитивными. Алла так и не стала реализовывать своё двойное (российское и американское) педагогическое образование. Она помогает мужу в бизнесе (по линии канцелярии и бухгалтерии) и в общественно-политической деятельности (после избрания его мэром нашего городка), время от времени подрабатывает то помощницей врача, то администратором в ресторане своей знакомой и, конечно, много времени уделяет семье. Максим забросил своё российское связистское образование и начал свою трудовую деятельность, используя американское MBA. Очень жаль, но муж Аллы в своё время не только не взял его — студента, на работу, что ещё можно как-то объяснить, но даже не оформил, что могло улучшить его резюме. В какой-то момент у Максима появилось желание продолжить учёбу в области экономики, но по разным причинам это так и осталось мечтой. Мне кажется, что поиски себя отразились в столь разных его увлечениях, как туристские походы (восхождения), горные лыжи, марафонский бег и пилотирование самолета. На сегодня он более или менее успешно занимается международным маркетингом в одной из американских фирм («СНН»), входящей в концерн «Fiat». К слову сказать, Максим, по-моему, несмотря на свои хорошие внешние и внутренние данные, как ни странно, не пользуется

благосклонностью дам, собственно, как и я, однако, он при этом не обладает достаточной активностью, компенсировавшей в своё время в какой-то мере этот недостаток у меня. Наверное, это играет определённую роль в том, что он до сих пор не женат и, к большому сожалению, ведёт холостяцкий образ жизни.

LXXVIII.

Получение американского гражданства я навсегда запомнил не только и не столько самим интервью (экзаменом), сколько подготовкой к нему. При моём знании английского языка это было необычайно трудно и, главное, нервозно. Все высказывания, подобные сделанным одной недалёкой, а вернее — глупой авторшей газетной заметки о том, что она де не понимает волнений будущих экзаменуемых (русскоязычных) — «ведь экзаменационные вопросы очень простые», мягко говоря, не серьёзные. Вопросы по анкете и по истории и государственному устройству США действительно примитивные, и ответы на них хорошо известны любому мало-мальски здравомыслящему и образованному человеку, но всё дело упирается в знание английского языка, на котором идёт собеседование и которое у большинства далеко не идеальное: надо понять вопрос и суметь более или менее грамотно ответить на него. Не могу сказать, что легко, но я справился с этими трудностями и получил американское гражданство. Отдельная нервозность была связана с женой, которую после интервью неожиданно снова вызвали в иммиграционную службу. В результате всё свелось к мелочи: чиновник забыл заполнить специальную справку, требуемую для бывших членов КПСС, каковым она была.

LXXIX.

Одна из характерных черт моего повседневного бытия — постоянное наличие большого количества друзей, приятелей и знакомых, что в какой-то мере было связано с моей многогранной «деятельностью»: инженер и преподаватель, лектор и спортсудья, а также участник киномассовок, гео- и археологических экспедиций. Все они, кстати, учитывая мой рационализм, очень ценили мои советы и поддержку. К большому сожалению, со времени моей эмиграции в Соединённые Штаты ситуация резко изменилась. Кто-то остался в России, кто-то оказался в других странах, кто-то, правда, в Америке, но далеко от меня, а кого-то просто не стало. Кроме того, даже поддерживающие контакт проявляли всё меньше желания встречаться, а мои стремления восстановить прежние отношения зачастую не получали откли-

ка и соответственно не имели успеха. К тому же, с некоторыми старыми знакомыми произошли непонятные разрывы. Что касается приобретения новых друзей, то здесь я потерпел полное фиаско. Я активно искал и находил людей — потенциально могущих стать приятелями, усиленно пытался наладить общение, но в ответ обычно, как говорится, получал «фейсом об стол»: всё было безуспешно — то ли люди были не те, то ли я не тот. Может быть, мешают мой возраст, хотя я лично всегда проявлял большой интерес к пожилым людям — представителям прошлого и носителям исторических знаний. Порой мне начинает казаться, что с возрастом я стал обладать отрицательной энергетикой, создающей вокруг негативное поле общения, в свою очередь, приводящее к неприятию меня окружающими. В последнее время, в эмиграции в моей жизни проявилась определённая двойственность: материально, физически я живу в Настоящем, а эмоционально, духовно остаюсь в Прошлом. Вообще, наверное, всё могло бы сложиться несколько иначе, если бы я, иммигрировав в США, попал бы не в американскую глубинку, а в Нью-Йорк или другой большой город со значительной русскоязычной диаспорой. Но — что есть, то есть...

LXXX.

С точки зрения возрастных изменений хочу отметить появившуюся к старости бессонницу: с вечера плохо засыпаю, а проснувшись ночью, с трудом засыпаю снова. При этом, лёжа без сна, по много раз переживаю некоторые прошлые неудачи (наверное, это идея фикс, хотя известно, что повторно переживать прошлое также бессмысленно, как пилить опилки) и корю себя за допущенные ошибки; прокручиваю предполагаемые телефонные разговоры и мысленно воспроизвожу целые абзацы будущего текста воспоминаний. Чтобы не забыть и утром вспомнить, кое-что записываю, но и это не всегда помогает. Дополнительную помеху создают постоянные и долгие сны, которые зачастую оставляют сладковато-горький, грустно-щемящий осадок; действующие персонажи их иногда представляют собой слитные образы нескольких реальных людей. В общем, даже ночью нет спокойной жизни! Единственным утешением является существующее мнение, что частота и длительность снов якобы пропорциональны интеллекту. Кстати, недавно меня несколько удивило оригинальное мнение одного знакомого психотерапевта о моей врожденной доверчивости, которой сам я как-то не замечал. Но ему, наверное, виднее. К тому же, меня обрадовало утверждение ученых Университета Торонто о том, что склонность доверять людям — опять же, признак ин-

теллекта. Тем паче, что это качество, я думаю, несколько компенсирует излишнюю категоричность, иногда присущую мне. При этом люди совершенно справедливо считают, что я очень многого не знаю и не умею, но в то же время признают, что, если я в чём-то начинаю разбираться, то досконально, и, если что-то делаю, то до конца. Откровенно говоря, я не сгибаюсь под тяжестью прожитых лет, можно сказать, не ощущаю свои немалые годы. «Бортовые системы» (выражение приятеля-врача Или Бегака) работают в пределах возрастной нормы. Правда, последняя попытка осуществления секса, несмотря на соблазнительную разницу в возрасте (около 50-ти лет), успеха не имела — похоже, необходимо обращаться за помощью к медикаментам. Однако, иногда при всём моём жизнелюбии меня пронизывает мысль о приближении неизбежного финала.

LXXXI.

Когда Максим (сын) с радостью перебрался работать из США в Европу (Лугано, Швейцария), я, воспользовавшись днём его рождения, приехал к нему в гости. Лугано оказалась очень приятным курортным городком, в котором красивая окружающая природа (горы, озеро и т.д.) и архитектура компенсировали отдельные бытовые неудобства, в частности, количество магазинов, их ассортимент и время работы. Кроме того, мы побывали в Женеве, у наших знакомых (семья Октая — сына моего институтского приятеля Исмета Гезалова). Для поездки мы воспользовались удобными поездами, в которых соседями оказались, в частности, несколько «опереточные» военнослужащие швейцарской армии. Сам город нам понравился, очень милый, с озером и горной перспективой Монблана, совершенно не казённый, несмотря на большое количество организаций и учреждений, в том числе международных. Среди многих памятников наиболее ярким и оригинальным является огромный стул без одной ножки на площади перед Дворцом Наций (комплекс Европейского отделения ООН), олицетворяющий неустойчивость миропорядка. Общее впечатление прекрасное. Швейцария есть Швейцария, видимо, не случайно при социологическом опросе относительно большинство (каждый 5-й) россиян, рассматривая всю Европу, высказалось за проживание в этой маленькой стране.

LXXXII.

Не считая себя расистом в общепринятом смысле этого слова, я убеждён, что все расы и народы имеют отличительные физи-

ческие и интеллектуальные данные (например, негры прекрасные спортсмены: баскетболисты, футболисты, легкоатлеты, но мало известны, как шахматисты и лауреаты научных премий).

Именно поэтому в США, несмотря на официальное отсутствие расовой сегрегации, реально существуют «белые» и «чёрные» районы населенных пунктов, церковные приходы, учебные заведения и т.д. Перефразируя Р. Киплинга, можно сказать: «Белый есть белый, чёрный есть чёрный, и с места они не сойдут».

При этом, считаю нужным подчеркнуть, что в то время, как международный терроризм и пиратство, являющиеся одними из основных угроз современному миру, возможно и не имеют, как считают некоторые, национальности и религии, реалии действительности таковы, что конкретные террористы и пираты, да и участники уличных беспорядков всегда имеют определённую национальность и религию. И подавляющее большинство из них — арабы-мусульмане.

Одновременно хочу заметить, что не разделяю восторга по поводу деколонизации, в частности африканских стран. Безусловно, колониализм в XX веке требовал значительной модернизации, но полная ликвидация его привела к тому, что подавляющее большинство этих стран за полувековой период независимости (суверенитета) так и не достигло прежнего экономического уровня колониального времени. Оставляя в стороне научные данные о степени развития различных рас и такие крайности, как встречающееся ещё дикарство вплоть до каннибализма, считаю необходимым отметить, что негритянское население Африки так и не смогло создать в основном мало-мальски жизнеспособные режимы. Африканские страны, включая даже ЮАР, отбрасывая мифическую свободу, не стали процветающими (во многих случаях уровень жизни резко понизился) и в реальности только потеряли после освобождения от «ужасных» колонизаторов.

LXXXIII.

Я не собирался писать ещё раз о евреях, так как достаточно написал об этом в своих воспоминаниях, но, наткнувшись в Интернете на видео презентации книжки израильского профессора Ш. Занда с хлестким, рекламным, чтобы не сказать, провокационным названием — «Кто и как изобрел еврейский народ», а потом, прочитав её, понял, что «не могу молчать». Сама презентация была, как презентация, и выглядела достаточно убого и бесцветно. Что касается самого Занда, то его располагающая внешность университетского преподавателя диссонировала с внутренним негативом: можно сказать, смотрелся он хорошо, а думал плохо.

Не вдаваясь в подробности (это требует специального разбора), даже не будучи историком, хочу заметить следующее: все это вредные выдумки. Ещё А. Эйнштейн высказал мысль, что существуют две бесконечные вещи — вселенная и человеческая глупость, впрочем, в первом он не уверен. Автор книжки с ловкостью шулера от истории, нагромождая много достаточно спорного материала, зачастую делает неожиданные и необоснованные выводы. Так, сомнения в историзме библейских рассказов о древнееврейских царях он совершенно искусственно связывает с отрицанием существования самого еврейского народа. К сожалению, оценка еврейско-израильской историографии, археологии, археографии и политики выдает в нём циркача, который, планируя опорожнить над зрителями мешок с дерьмом, объясняет суть фокуса: «Все в говне, а я в белом!». В принципе, в авторском стремлении доказать отсутствие еврейского народа как такового, а также расизм сионизма, явно видна заказная цель — делегитимизировать государство Израиль. Как говорят: «Осла не надо называть по имени — он сам покажет свои уши». При этом действительно необходимо заметить, что в настоящее время Израиль находится в достаточно сложном положении. Считаю совершенно справедливо решение ООН (резолюция № 181 от 29.11.1947 г.) основополагающим международным документом по воссозданию еврейского государства, Израиль не может не учитывать предусмотренное там же создание второго арабского государства (кроме Иордании) на территории Палестины. К сожалению, реализация этого положения нанесёт огромный моральный (потеря исконных земель — Иудеи и Самарии) и геостратегический (уменьшение и так мизерной ширины территории) ущерб стране. Абсолютно не ясно, как Израиль сможет решить эту «квадратуру круга».

Еврейский этнос, мне кажется, сегодня в основном состоит из трех отличающихся друг от друга этнических групп: ашкенази (центральноевропейские евреи), сефарды (средиземноморские евреи) и мизрахи (азиатские евреи). На первый, поверхностный взгляд у них много различий, как внешних, так и внутренних, каждая группа вобрала очень многое (культурного и биологического) от окружающих народов. Однако центральное историческое ядро единое: они как бы родные братья, жившие в разных условиях потомки одного предка — древнего израильского народа, рассеянного (не важно, по каким причинам) по земле, не говоря уже о последних данных биологии, убедительно доказывающих их генетическое родство. При этом я, будучи атеистом, считаю избранностью еврейского народа историческую уникальность этого этноса, сохранившегося, несмотря на все катаклизмы, в течение более 3000 лет.

Одновременно возникает сакраментальный вопрос: «Кого считать евреем, а кого нет, в нестандартных случаях: “полукровки” или перешедшие в чужую веру?». Если с детьми от смешанных браков более или менее ясно — каждый из них должен сам определить свою принадлежность, так сказать, самоидентифицироваться, то с евреями, принявшими не еврейскую религию (иудаизм), и их потомками, полная неясность. Причем, если вопрос с маранами и другими (мусульманскими) «анусим» за давностью лет потонул в тумане Средневековья, хотя и с их потомством тоже имеется определённая нечёткость, то с достаточно многочисленными крещёными евреями Нового времени, мягко говоря, все достаточно сложно. Кто-то причисляет всех их к евреям (ведь, как заметил А. Эскин, поиски этнических корней является еврейским национальным «спортом»), кто-то нет. Дополнительную путаницу вносит лингвистика. Дело в том, что во многих языках понятие еврей (национальность) и иудей (вероисповедание) обозначается одним словом, хотя в других аналогичных случаях существуют разные слова, например, англичанин и англиканец, русский и православный, иранец и шиит, а государства своих граждан фиксируют иногда по национальности, иногда по вероисповеданию. В принципе, я думаю, что в данном случае, ответ на поставленный вопрос можно сформулировать достаточно просто: «ЕВРЕЙ тот, кто считает себя ЕВРЕЕМ».

LXXXIV.

Не открою Америки, если скажу, что женщины играют огромную роль в жизни общества. При этом меня очень раздражают матриархальные и феминистские тенденции современного мира. Я могу ещё согласиться с унисексом в одежде, вообще во внешнем виде, и в поведении женщин, хотя и это не всегда хорошо. Однако категорически против стремления к искусственному увеличению количества женщин в системах управления: парламентах, правительствах, местной власти, правлениях компаний и т.п. Порой начинает казаться, что эти структуры соревнуются, у кого больше представителей «прекрасного» пола. При этом умышленно забывается, что человеческие, в том числе женские, возможности не безграничны, так что карьерно-деловые достижения женщины могут осуществляться только в ущерб естественным семейно-домашним. На сегодня, наверное, только наличие полного идиотизма может остановить продвижение женщины наверх. Однако интересно, что социологический опрос, проведенный по заказу газеты “The Sunday Times”, показал, что большинство женщин по старинке «предпочли бы сидеть дома с детьми».

Также негативно мной воспринимается современный процесс размывания критериев нравственности и приличия, когда, например, сексуальная дозволенность возводится обществом чуть ли не в достоинство (достаточно указать на появление профессиональной проститутки на великосветском Венском балу). Это приводит к тому, что женщины достаточно «вольного» поведения занимают высокое положение в обществе вплоть до членов парламента и правительства, а иногда становятся даже «первыми леди». И, конечно, верхом цинизма являются встречающиеся иногда громогласные предложения секса за определённые общественно-политические решения (со стороны не только порнодив), что вызывает только брезгливое возмущение. В то же время, настораживает усиливающееся в последнее время стремление в обществе преследовать политических деятелей, вплоть до очень высокопоставленных, за существующие или мнимые домогательства и изнасилования. Парadoxально, но зачастую изнасилование, как таковое, признается без явных признаков насилия, что является просто юридическим нонсенсом. Кроме того, часто обвиняемым инкриминируются эпизоды, происшедшие несколько лет назад. Тут мне всегда хочется задать вопрос: «Что ж ты, милая, молчала столько времени?» (в таких случаях, видимо, нужно учитывать срок давности). Создаётся впечатление, что сегодня безопасно заниматься политикой можно, только будучи евнухом-кастратом. Также вызывают сомнения обвинения, связанные с несовершенством преследований проституток (не надо путать с педофилией), предъявляемые не сутенерам, как «работодателям», что было бы понятно, а «покупателям», как будто год рождения написан у них на лбу.

Антисексистский тренд сегодняшней действительности проявляется в судебных преследованиях представителей «сильного пола», зачастую занимающих высокое положение в обществе, на основе только показаний «жертв», к тому же не всегда высокоморальных. Крайне своеобразно эта тенденция отразилась в Германии в процессе над певичкой, умышленно заражавшей своих сексуальных партнеров СПИДом. Она была приговорена только к условному лишению свободы. Предполагается, что суд посчитал, что мужчины сами виноваты — не предохранялись. Видимо, в следующий раз, если проститутка застрелит посетителя, последний будет виновен, что не надел бронезилет...

LXXXV.

Моё отношение к рекламе, которая является индустрией соблазна на грани обмана, можно охарактеризовать, как раздражённо-негативное. Я всегда считал и считаю, что чем больше

агитации, тем хуже предлагаемый товар — хорошее не требует рекламы, разве что, для чего-то нового, может быть, несколько целесообразна определённая информация. Более всего раздражает телевизионная реклама, которая, оставляю в стороне её качество, мешает процессу восприятия телепередачи и от которой к тому же крайне сложно избавиться. Кроме того, очень обидно за населённые пункты, внешний вид которых портит бездарная наружная реклама, что особенно бросается в глаза в городах, которые имеют историко-культурную ценность.

LXXXVI.

Меня всегдастораживает использование понятия «в среднем», особенно при рассмотрении вопроса о росте благосостояния (зарплаты, пенсии, надбавки, подушный ВВП и т.п.). Считаю, что при этом для получения реальной картины положения вещей необходимо вводить определённый коэффициент, учитывающий разброс исходных величин доходов. Иначе получается совершенно ложное соотношение уровня жизни различных групп населения. Парадоксальность всего этого можно проиллюстрировать анекдотом. На собрании старушка-колхозница спросила: «Что значит — в среднем?», и ей пояснили: «Если у вас нет коровы, а соседка имеет две, то “в среднем” будет одна корова на хозяйство». На что она возмущенно заявила: «Что же получается, если соседка спит с председателем и агрономом, а я ни с кем, то я тоже б...ь?».

LXXXVII.

Не могу остаться в стороне от возникшей в последнее время с новой силой проблемы взаимоотношения общество — религия. На сегодня в цивилизованном мире общепринято разделение государства и религии, но это в принципе, а в деталях начинаются проблемы. В США идёт дискуссия о правомерности религиозных атрибутов (в частности, крестов) и текстов в официальных учреждениях (школах, судах, больницах и т.д.). В Европе принимаются законы о запрете ношения религиозных элементов в общественных местах и тому подобное. В первом случае, наверное, действительно имеет смысл учесть пожелание атеистов, хотя фактически наличие этих атрибутов является традиционным и вошло уже в менталитет общества. Что касается второго случая, то здесь не всё однозначно. Если запрет носить внешние религиозные элементы (кресты, хиджабы, кипы, тюрбаны и т.п.) в государственных учебных заведениях и учреждениях можно признать справедливым, то запрет на строительство минаретов или повсеместное ношение

паранджи вызывает определённые возражения. Несмотря на то, что я, мягко говоря, не являюсь сторонником ислама, тем паче в Европе, необходимо уточнить, что с точки зрения модных ныне «прав человека» это не вполне справедливо. Аргумент, что мусульмане в Европе также, как приезжие в исламских странах, должны подчиняться местным обычаям и законам, не работает. Иногда приводят в общем правильное для своего времени высказывание Муссолини, который на пожелание мусульман построить мечеть в Риме ответил паритетным предложением: построить христианский храм в Мекке. Но в том-то и дело, что сегодня мусульмане в европейских странах, в отличие от туристов в исламских, к большому сожалению, — полноправные граждане этих стран и, хотя они и являются расадником криминала, ущемление их прав, неважно, совпадают ли их требования или не совпадают с менталитетом страны проживания — это нарушение конституции. Также юридически очень спорно справедливое желание лишать «новых» граждан (афро-арабского происхождения) французского гражданства за те или иные правонарушения. Так что Западная Европа, как говорится, «за что боролась, на то и напоролась». В не менее сложное положение попала и Россия: когда подавляющее число террористических актов на её территории организуют мусульмане, являющиеся её гражданами, которым для этого не надо даже пересекать государственную границу. При всём при этом огромное, усиливающееся влияние оказывает демографическая проблема, когда деторождение у мусульман значительно превосходит прирост другого населения.

LXXXVIII.

На мой взгляд, христианство и мусульманство возникли, как определённые, позднейшие трансформации иудаизма. Однако оголтелое отторжение и отрицание прарелигии новыми верованиями привело к существующему сегодня противостоянию. В дальнейшем, в ходе исторического развития, если христианство в какой-то мере и смягчило свой антагонизм с еврейством, то ислам, наоборот, ужесточил его, что привело в настоящее время с его стороны к кровавой борьбе вообще с любым инакомыслием.

Несмотря на свой атеизм (особенно не приемлю ритуальную сторону религии, хотя прекрасно понимаю её необходимость), считаю возможным высказаться по одному из существенных вопросов религиозной деятельности — отношению к сектантству и миссионерству. Я убежден, что вера есть внутреннее дело каждого человека и он волен верить, как угодно, и во что угодно, единственное требование, чтобы его вера не нарушала обществен-

ного порядка. К большому сожалению, канонические религии и, в частности, православие отрицают плюрализм и проявляют по отношению к сектам и чужому прозелитизму воинствующую нетерпимость. Мне кажется, что ставить секту вне закона и запрещать иностранное миссионерство в стране можно только по решению суда при нарушении ими законов государства. В противном случае, это напоминает борьбу большевиков с оппозицией и попахивает средневековым мракобесием

LXXXIX.

В последние годы в России много говорится и делается по возвращению (реституции) религиозным организациям ценностей и имущества, экспроприированных в советское время (в частности, есть Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»). Слов нет — вопрос поставлен правильно, а вот его решение вызывает значительные возражения. Оставляя за скобками целесообразность передачи церкви музейных экспонатов и зданий, необходимо подчеркнуть вопиющую несправедливость: в качестве получателя реквизируемого фигурирует практически только русская православная церковь, причем, зачастую необоснованно (например, в Калининградской области, где никогда не было её собственности). Не понятно, чем хуже другие христианские, а также исламские, иудейские и буддийские религиозные объединения, не меньше пострадавшие от большевистского режима. Конечно, православие в России самая распространенная религия, связанная с титульной нацией, но это не может служить основанием для столь несправедливого подхода. Просто этим ещё раз демонстрируются не двойные, а «многократные» стандарты государственной политики.

В качестве такого же «избирательного» подхода, правда, из другой «оперы», можно указать на дело М. Ходорковского. Вполне возможно, что он в чём-то и виноват, но тогда надо было карать всех олигархов, которые, я уверен, совершали подобное, а возможно и большее, и нельзя было делать из него «козла отпущения».

XC.

Ученые Университета Аризоны доказали, что одной из отличительных социальных особенностей человека от остального животного мира является способность признания родственных, в том числе дальнеродственных, связей. Именно на основе этого возник-

ла и строилась социальная система человеческого общества. Тем не менее, история людских отношений предоставляет достаточно много примеров, когда люди, хорошо сотрудничающие в экстремальных ситуациях (восстания, катастрофы, побеги, грабежи и т.п.), впоследствии резко меняют свои взаимоотношения. Из-за отсутствия цементирующего, эмоционального начала и благодаря различию внутреннего склада отдельных индивидуумов такое объединение бывших сподвижников разобщается и они зачастую превращаются в противников с различной степенью вражды.

При этом, правда, люди, хоть и высшие существа, но принадлежат к животному сообществу и поэтому всегда должны быть готовы, в широком смысле слова, к борьбе за выживание. Наверное, чтобы представители человечества не расслаблялись, даже в любом жизненном позитиве обычно имеется некоторый негатив, как говорится, «в бочке мёда — ложка дегтя». Правда, при этом иногда мне кажется, что в самом процессе жизни всё сбалансировано: происходит что-то хорошее, радостное, и через некоторое время это «компенсируется» негативным, мрачным, и наоборот, так что иногда даже при событиях со знаком плюс у меня появляется фатальная боязнь последующих неприятностей. Положительно только то, что такое чередование позволяет надеяться, что за «чёрной», плохой полосой последует «белая», позитивная. Поэтому, да здравствует зевровидная цикличность жизненных ситуаций!

XCI.

Существует известное латинское выражение: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку (Quod licet Jovi, pop licet bovi)», которым обычно оправдывают недостойное поведение сильных и знаменитых мира сего. Это очень часто вызывает определённое неприятие. Почему, если от передозировки наркотиков или алкоголя умер безработный, то он подонок, и это осуждается, а если он певец или актер, то это стараются скрыть, чтобы не очернять лакированный образ. Если у инженера было много женщин, то он ужасный «бабник», а если это писатель или композитор, то это нормально. Если учительница меняет партнеров, «как перчатки», то она б...ь, если это актриса или художница, или хотя бы модель, то творческая личность. Если парнишка украл 10 руб., то он вор, а если бизнесмен присвоил миллионы, то успешный финансист. Если простая женщина на жизнь зарабатывает телом, то она ничтожество-проститутка, а если она достигла при этом определённых общественных высот, то она уже «бизнесвумен». Если водопроводчик занимается сексом с несовершеннолетними, то он преступник-педофил, а если это музыкант или кинорежиссер, то

это что-то «не понятное». Если убил одного, то виновник убийца, а если погибли тысячи, то — политик. При всем моём уважении к некоторым из представителей жизненного Олимпа я не могу полностью согласиться с таким положением вещей. Юпитер, конечно, бог, а бык — животное, но оценки, наверное, должны быть всё-таки единые.

XCII.

Как-то прочитал интервью В. Познера журналу «Сher Ami» (20.07. 2010) и получил большое удовольствие — умный и независимый журналист. Но, как говорится, «и на старуху бывает проруха». Говоря о свободе слова, он, приводя высказывание американского судьи о преступности криков «пожар» в отсутствии такового в переполненном театре, совершенно справедливо утверждает, что при свободе слова обязательно должна существовать и ответственность. Однако далее, забывая о гражданской позиции журналиста, которую сам декларирует, Познер подтверждает правоту американских студентов-журналистов, согласных ради информирования аудитории опубликовать случайно подсмотренный секретный документ. В этой ситуации просматривается оправдание не только явного стремления к сенсации, но и, главное, действия, граничащего с преступным предательством. Хотя совершенно ясно, что распространение информации также, как и любая свобода, должно иметь определённые, разумные ограничения. Вообще со всём, что связано с понятием «свобода», полная неразбериха — не существует её четких эталонов, поэтому то, что одни считают свободой, для других её отрицание, нарушение принятого положения вещей.

XCIII.

Недавно я обратил внимание на заметку (комментарий Т. Ефременко — lenta.ru. 2010/09/17) по поводу покушения на Аслана Усояна (российский «вор в законе» Дед Хасан). Собственно, интерес представляет только вывод о влиянии мафии на бизнес и политику, в котором совершенно справедливо говорится, что *«нередко отличие криминального авторитета от обычного политика или бизнесмена представляется сугубо условным»*. К сожалению, автор забыл сказать, что это относится именно к современной России, где криминальное прошлое многих губернаторов, мэров, депутатов и чиновников хорошо известно, но почему-то не принимается во внимание. В заключение делается сомнительный вывод, что *«мир, в котором преступность будет представлена лишь мелкими кра-*

жами и бытовыми убийствами, пока что не создан». Для опровержения последнего положения достаточно упомянуть Соединённые Штаты, как страну с минимизированным влиянием криминала на политику, да и в Советском Союзе, при всех его «грехах», преступность существовала, но мафии не было.

Хочу заметить, что абсолютно справедливая борьба с криминалом в политике ни в коем случае не должна подменяться стремлением, резко активизировавшимся в последнее время, сделать политику и даже разведку полностью публично открытыми. Мне кажется, что это попытки с негодными средствами. Надо смириться с тем, что политика, в том числе разведка, по сути своей являются закрытыми и в основном «грязными» действиями. Стремиться требовать от них открытости и чистоты, всё равно, что требовать благоухания от ассенизатора.

XCIV.

В наш жестокий век редкая информация вызывает улыбку, но я рассмеялся, когда прочёл, что милицию в России переименовали в полицию. Мне абсолютно не понятно, зачем нужен этот ребрендинг, который ничего не решает и тем паче будет стоить немалых денег. Похоже, что в этом просто проявилась мистическая любовь людей к изменению названий и вера в то, что новое имя будто бы меняет существо предмета. Вообще эта смена наименования вызывает в памяти знаменитую басню И.А. Крылова «Квартет», содержание и мораль которой я не буду напоминать, как хорошо известные. Менее известен одесский анекдот: «Когда для улучшения работы публичного дома решили переставить кровати, то реббе подсказал, что нужно не кровати переставлять, а б...й менять».

XCV.

При обсуждении дискуссионных вопросов в СМИ в глаза бросается некоторая несуразность. Обычно мнения оппонентов разнесены по времени, и читателям или зрителям практически невозможно определить окончательную правоту, так как каждый дискутирующий говорил о своём. При этом естественно, что последний выступающий оказывается в лучшем положении. На самом деле целесообразно все диспуты вести очно, подобно встречам христианских и иудейских богословов в Средние века, тем паче, что телевидение и радио такое позволяют (справедливости ради нужно заметить, что в последнее время это стало практиковаться). Тогда гораздо чётче проявятся позиции выступающих и

соответственно легче будет определить, кто из них прав. Ещё более парадоксально, когда появляются комментарии, обычно отрицательные, на материал, который сам по себе остаётся полностью неизвестным читателю или слушателю.

Очень часто в дискуссиях используется порочный принцип «Сам дурак», когда на основании одного ошибочного утверждения автора отвергаются все его, даже правильные, положения. Однажды я тоже попал в подобную ситуацию, когда в споре процитировал утверждение достаточно известного писателя (не буду его называть), которого оппонент считал, может быть и заслуженно, непорядочным. К сожалению, мой довод, что даже у недостойного человека могут быть справедливые мысли, т. е. для того, чтобы быть правдивым, не обязательно быть праведником, не возымел действия и мы разошлись. Люди вообще склонны забывать, что моральный облик многих знаменитых людей очень далёк от идеального.

ХСVI.

Будучи очень далёким от филологии и языкознания, я тем не менее хочу принять участие в дискуссии о том, какого рода слово «кофе». Во-первых, я думаю — проблемы любого слова надо рассматривать, исходя из законов языка использования, в данном случае русского, а не происхождения (французского), как считают некоторые. В русском же языке слова, оканчивающиеся на «е», всегда среднего рода: солнце, сердце, блюдо, море, поле, устье, платье, варенье и т.д. Даже иностранные слова, такие, как пенсне, кашне, портмоне, кафе и т. п., обладают «русским» средним родом. Исключение, подтверждающее правило, составляют портфель и атташе (мужской род) только потому, что относятся к одушевлённым предметам (человеку). Так что слово «кофе» безусловно среднего рода, а говорящие о нём «он» напоминают мне людей, оттопыривающих мизинец при взятии чайной чашки — такое же тенденциозное псевдоинтеллигентство.

ХСVII.

В своей жизни я побывал во многих аэропортах; больших и маленьких, очень больших и очень маленьких. Во многих из них я переживал задержки от нескольких часов (Владивосток, Москва, Нью-Йорк) до нескольких дней (Адлер, Петербург) с различной степенью трудностей. По некоторым бежал, опаздывая на рейс (Миннеаполис, Рига), из-за чего однажды попал даже не в свой самолет (Детройт), но вовремя выбрался из него. Как-то забыл

свою сумку в самолете (Вашингтон), но мне успели её вернуть, а иногда вообще мой багаж терялся (Петербург), но, правда, через некоторое время благополучно находился. Я уж не говорю о различных конфликтах на аэропортовском контроле (изъятие забытой груши в Атланте — обнаружила специальная собака таможенника, и сыра «Виола» — в Милуоки). Но не всё было так мрачно, в большинстве случаев всё было нормально: удобные аэровокзалы (правда, не в России) и спокойное ожидание рейса, а иногда ещё и скрашенное приятными встречами с известными людьми.

ХСVIII.

Считаю необходимым подчеркнуть, что книги всегда, всю жизнь сопровождают меня, и не столько в качестве развлечения, сколько, как источники познания окружающего мира. Они всегда вызывали во мне трепетно-восторженный, почти мистический интерес. В раннем детстве родители читали мне детские книжечки, в большом количестве и хорошего качества, имевшиеся в Советском Союзе (в стране вообще уделялось большое внимание детскому воспитанию и, в частности, детской литературе); потом книжки я сам начал читать. Во время войны книжный дефицит не уменьшил моей тяги к печатному слову. После войны в Ленинграде этот интерес возник с новой силой и приобрёл уже более конкретный характер, я стал интересоваться литературой, посвященной гуманитарному направлению: философии, истории, географии и т.п. При этом собралась маленькая домашняя библиотечка, чему способствовали книжные развалы и букинистические магазины. Количество книг моей библиотеки резко выросло во время книжного бума в Советском Союзе во второй половине XX века и пара стен в квартире с пола до потолка были заняты застеклёнными книжными полками. При этом полки отечественного шкафа я стеклил сам, а большую часть составляли импортные, разборные чешские полки, которые доставались по знакомству, с большим трудом. Крайне печально, что всё это с моей эмиграцией рухнуло, не могу забыть кучу книг, уже из-за отсутствия полка сваленную среди комнаты — что напоминало мне средневековое книжное аутодафе. Хочу подчеркнуть, что и сейчас, в Америке, меня окружают книжные шкафы, правда, в основном с русской классикой и справочной литературой: энциклопедиями, словарями, путеводителями, альбомами и т.п. К большому сожалению, в настоящее время необходимо констатировать, что с развитием Интернета значение книг и потребность в них резко уменьшились.

Отдельно хочу рассказать о написании и публикации моих воспоминаний — это целая «эпоха» моей жизни. Этому процессу способствовала моя жизнь в американской глубинке, вдали от культурных центров, этаким «болдинским» годам. Начиная писать их «вручную» в большой тетради (типа амбарной книги), но, исписав более 100 страниц с огромным количеством помарок и вставок, понял, с подсказки друзей, что в XXI веке это варварство, и перешёл не без труда на компьютер. Вначале я предполагал записать всё это для себя, потом подумал, что, может быть, эти воспоминания будут интересны детям и внукам, а в результате решил вообще опубликовать эти записки. Случайно я познакомился с достаточно никчёмной брошюрой воспоминаний одного бухарского еврея, показавшего (в том числе и мне), как не надо писать и издавать «мемуары».

Само написание длилось очень долго, но, как ни странно, не это оказалось самым трудным. После завершения текста и подбора иллюстраций начались поиски издательства и, так как требовалась оплата издания, спонсоров. Американские структуры требовали большие деньги, да и находились они далеко от меня (Нью-Йорк и т.п.). Я остановился на петербургском издательстве «Петербург — XXI век», правда, в результате оно оказалось тоже не дешёвым. Все старания найти деньги на издание на стороне не увенчались успехом. Не помогли даже, учитывая национальную окраску материала, попытки привлечь к этому еврейские организации, включая петербургскую синагогу. Так что пришлось отдавать свои «кровные».

Книжка («Из Советского Союза через Россию в Соединённые Штаты». Фрагменты жизни) меня в принципе порадовала, но и огорчила большим количеством накладок (качество переплета, текстовые ошибки и т.д.). Именно желание все это исправить, а также уточнить и дополнить материал, а заодно и ответить критикам, подвигло меня на 2-е издание. Справедливости ради необходимо сказать, что и оно не обошлось без огрехов, хотя внешне выглядело гораздо лучше 1-го. Хочу «гордо» подчеркнуть своё участие в оформлении обоих изданий (авторство переплетов, форзацев и т.д.). Печально, но выход книжки вызвал волну недовольствия и привел к определённому неприятию в семье, среди родственников, друзей и знакомых, но, как известно, это судьба любых мемуарных материалов. Несмотря на очень маленький тираж (около 200 экз. оба издания), мне удалось познакомить с книжкой не только родственников и знакомых, но и передать её во многие библиотеки, университеты и музеи России, США,

Израиля, ФРГ, Швейцарии и Эстонии. Однако я естественно хотел для увеличения читательской аудитории опубликовать отдельные отрывки в журналах. Это была отдельная многолетняя эпопея. С большим трудом я находил подходящие журналы в России, Белоруссии, Израиле, США, Эстонии и связывался с их редакциями, посылая каждый раз специально подготовленный материал. К большому сожалению, результаты были, непропорционально усилиям, скромными. По разным причинам, включая требование существенной оплаты, и под различными предлогами (наличие материала в уже опубликованной книге, загрузка издания или его неподходящее направление и т.п.) мне или отказывали, или «интеллигентно» откладывали решение, что фактически было то же самое. Правда, отдельные переработанные отрывки воспоминаний удалось опубликовать в приложении к витебскому журналу «Мишпоха», в петербургских журналах «История Петербурга» и «Фонтанка», в израильском журнале «Русское литературное эхо» и в американском журнале «Слово/Word». При этом, к сожалению, приходится отметить небрежную работу редакций с предоставленным материалом (похоже, что корректура отсутствует, как таковая) — это, наверное, общий «грех» современной печатной продукции. Вообще же я думаю, что сегодня для издания рукописи нужно или знакомство, или деньги; это, конечно, не касается «гениев», да и то не всегда.

Несмотря на два издания моих воспоминаний и другие публикации, целый ряд жизненных моментов и оценок оказались «вне кадра», так как не укладывались в канву повествования, что и послужило причиной написания этих заметок.

С.

Говорят, что трудно что-то начать, но иногда трудно и кончить, хотя древние греки и говорили, что всё, что имеет начало, должно иметь конец. Именно поэтому, несмотря на большое удовольствие, которое я всегда испытывал, набирая на компьютере свои воспоминания, я волевым решением установил временной границей завершения этих заметок мое 80-летие (2010 г.). Этот юбилей в значительной мере был омрачен состоянием здоровья Зины (жены) — прогрессирующая болезнь Альцгеймера. (Она изменилась до неузнаваемости, превратившись в ничего не понимающую и плохо передвигающуюся, исхудавшую, маленькую, скрюченную старушку). Мне же особенно тяжело было находиться всё время в обществе неадекватного человека. Так что о помпе и праздновании уже по одной этой причине не могло быть и речи. Поэтому это -летие я решил провести у Максима (сына) в

Европе (Лугано, Швейцария). Само «торжество» мы отпраздновали втроем с Женей Брискером (двоюродным племянником), который должен был, правда, прилететь из Москвы со всей семьёй, но его сын, прыгая с парашютом, сломал ногу, так что он был один. Кроме многократных застолий, мы осуществили туристские вылазки в Милан и Локарно. В Милане были один день и осмотрели только величественный замок Сфорца, невыразительный (снаружи) театр Ла Скала и впечатляющий Миланский собор. «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи так и осталась для нас тайной — оказывается, билеты нужно заказывать за две недели. В одной из пиццерий попробовали итальянскую пиццу, в моём варианте это скрашивалось наличием анчоусов. Локарно же типичный южно-швейцарский городок с озером, набережной и горами, с очень приятной старой частью, в которой мостовые выложены крупной галькой. Мы застали рождественскую ярмарку на знаменитой кинофестивальной площади. На Рождество мы с Максимом слетали в заснеженный Берлин, где, несмотря на знаменитые германские автобаны, передвигаться на автомашине из-за заносов удавалось с трудом. Так как времени было мало (weekend), а Берлин был знаком, мы ограничились приятельскими встречами и осмотром Еврейского музея Берлина и мемориала Холокоста. Музей имеет сверхсложные планировку (архитектор Д. Либескинд) и экспозицию, затрудняющие восприятие. Мемориал представляет собой территорию, уставленную разновеликими тёмными каменными прямоугольными параллелепипедами, с увеличиваемой к середине площадки высотой и подземной экспозицией. К сожалению, впечатление смазывалось из-за наличия большого количества снега, да и экспозиция оказалась закрытой. Кроме всего прочего, я, конечно, не преминул познакомить друзей с моей книжкой и оставить несколько экземпляров для передачи в некоторые берлинские библиотеки.

ВОТ ТАКАЯ ЖИЗНЕННАЯ МОЗАИКА!

Веро-Бич (Флорида, США). 2011 г.